

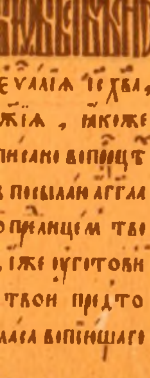

А. АНУШКИН

РАССКАЗЫ О СТАРЫХ КНИГАХ

ВСЕСОЮЗНОЕ
ДОБРОВОЛЬНОЕ
ОБЩЕСТВО
ЛЮБИТЕЛЕЙ
КНИГИ

А. АНУШКИН

РАССКАЗЫ О СТАРЫХ КНИГАХ

ПОИСКИ, НАХОДКИ, ЗАГАДКИ

издание второе,
исправленное

Москва
«Книга»
1979

Александр Иванович Анушкин

РАССКАЗЫ
О СТАРЫХ
КНИГАХ

Редактор *И. П. Глазырина*
Художник *Э. К. Ипполитова*
Художественный редактор *В. Ф. Горелов*
Технический редактор *Н. И. Аврутис*
Корректор *Е. Д. Серегина*

Сдано в набор 27.03.79. Подписано в печать 29.06.79. А—11429. Формат 70×100 1/32. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 5,16. Уч.-изд. л. 4,94. Тираж 30 000 экз. Заказ 282. Изд. № 2908. Цена 20 коп.

Издательство «Книга»
Москва К-9, ул. Неждановой 8/10.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

А $\frac{61001-119}{002(01)-79}$ без объявл. 4503000000

ОБ АВТОРЕ

Имя автора «Рассказы о старых книгах» давно знакомо книговедам и книголюбам страны. У многих библиофилов хранятся в альбомах и папках многочисленные вырезки статей из журналов и газет, в которых А. И. Анушкин рассказывал о редких изданиях, о неожиданных находках в течение своего многолетнего путешествия по просторам страны Библиофилии. А у немногих счастливцев стоит на книжной полке рядом с работами Шилова, Мартынова, Беркова, Смирнова-Сокольского, Уткова, Осетрова, Ласунского и небольшая книжечка Анушкина, выпущенная впервые шесть лет тому назад симферопольским издательством «Таврия».

А. И. Анушкин (1903—1978), член КПСС с 1925 г., прожил творческую жизнь журналиста, краеведа, знатока и исследователя истории книги и книжного дела в России.

В начале своей трудовой жизни он работал на Волховстрое. Деятельная натура привела его в ряды Коммунистического Союза Молодежи — в 1924 г. он становится комсомольским работником. Принципиальностью, требовательностью к себе и другим он снискал уважение среди своих сверстников и подростков.

В 1930 г. Александр Иванович окончил Коммунистический институт журналистики.

Последующие десятилетия жизни Анушкина были посвящены каждодневному труду журналиста, работника советской печати. Он был заведующим отделом партийной жизни редакции краевой газеты «Советская степь» в Казахстане, редактором районной газеты «Колхозный фронт», инструктором по печати краевого комитета ВКП(б). Он заведовал сельскохозяйственным отделом газеты «Казахстанская правда», занимал пост ответственного секретаря, а затем редактора газеты «Красная Татария» в Казани, работал редактором газеты «Советская Литва».

Затем Анушкин переезжает в Крым, с 1954 по 1964 г. работает заведующим отделом, а позже — заместителем редактора газеты «Советский Крым». Большой жизненный опыт, широкий кругозор определяют профессиональное и организаторское мастерство журналиста.

На протяжении многих лет он был страстным библиофилом, собрал редкостную библиотеку, изучал проблемы книговедения и постепенно вносил свой вклад в копилку книголюба.

Из отдельных очерков создавалась книга, посвященная истории рукописей, первых в нашей стране печатных изданий. Автор знакомит читателей со своими поисками и находками, с очарованием старых книг. Известный советский книговед А. А. Сидоров писал в предисловии к первой книге А. И. Анушкина: «Автор заманчиво рассказывает о многом: о своих наблюдениях над книгами, о своей работе в библиотеках, и перед читателем встает прекрасный пример

того, каким должен быть настоящий советский друг книги — пытливый исследователь, неустанный искатель, живой человек. Думается, что именно такому подлинному книголюбу, как А. И. Анушкин, и открываются большие и малые тайны старой книги».

Юрий Акутин

НАЧАЛО

Я стоял перед памятником Ивану Федорову в Москве, у Китайгородской стены, смотрел на лицо первопечатника, его натруженные руки, в которых он держит раскрытую книгу, и думал о нелегкой судьбе пионера книгопечатания.

Может быть, именно тогда родился мой интерес к истокам книги, к тем родничкам, из которых образовались книжные реки.

Не прошли бесследно и лекции профессора М. И. Щелкунова, которые я вместе со своими товарищами слушал в Московском институте журналистики в конце 20-х гг., книга Михаила Ильича «Искусство книгопечатания в его историческом развитии». Свою роль сыграли и первые занятия в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, знакомство с выставкой редких книг. На ней впервые увидел я старопечатные издания — московские, вильнюсские, львовские, острожские и киевские.

С годами интерес к старой книге не только не ослабевал, а увеличивался. Он рос с каждым прикосновением к пожелтевшим от времени страницам давних изданий.

В течение нескольких лет после войны мне пришлось жить и работать в Вильнюсе, одном из старинных и инте-

реснейших центров книгопечатания. И всякий раз, когда я проходил по узким, извилистым улочкам древней части этого города, в моем воображении неизменно возникали картины былого.

... Где-то здесь, на углу Большой и Стеклянной улиц, стояла каменица купца Якуба Бабича. 460 лет назад здесь появилась первая в нашей стране типография белорусского гуманиста Франциска Скорины. Из ее стен вышло несколько книг, напечатанных кириллицей.

Полвека спустя каменица Бабича стала собственностью другого торгового человека, Луки Мамонича. В ней появилась новая типография, основанная сподвижником московского первопечатника Ивана Федорова Петром Мстиславцем. Она начала выпускать книги на русском и белорусском языках.

По Большой и Субач улицам располагались дома Вильнюсского братства — общественной организации белорусского населения столицы Великого княжества Литовского, помещались его школа, которую иногда называли академией, и типография. Слава о них шла по Литве, Белоруссии, Украине, доходила до Москвы, до Балканских славянских стран. Невдалеке находилась иезуитская академия со своей типографией, а в сторону Заречья — типография Даниеля Ленчицкого и Яна Карцана...

Во многом схож своей судьбой с Вильнюсом старинный украинский город Львов. И я поехал туда, чтобы увидеть этот город, походить по улицам, по которым 400 лет назад ходил Иван Федоров, постоять на улице, носящей имя первопечатника, около дома № 9, где, по преданию, находился станок, на котором отпечатаны первые на земле Украины книги, поклониться памяти «друкаря книг пред тым невиданных».

Москва, Вильнюс, Львов, Острог, Киев — здесь родились первые типографии, вышли первые книги.

Если улицы и дома этих старых городов, бывшие свидетелями бурных событий и неутихавшей борьбы, не могут поведать нам обо всем, что они видели за века своего существования, то книги донесли до нас и пафос борьбы, и ее картины. Они сохранили для истории многие факты и имена героев того времени.

А книг в XVI в. выходило в нашей стране немало, разных по направлению, по форме и содержанию. Наряду с книгами церковно-служебными, выпускались произведения светского характера: романы и повести, стихотворные сборники и записки путешественников, научные трактаты и школьные учебники. Особенно прославились Вильнюс, Львов, Острог и Киев выпуском боевой полемической литературы. Она волновала умы, возбуждала страсти людей, вооружала их на борьбу.

Трудно быть равнодушным при виде этих живых памятников нашей истории и культуры. Старинные книги влекут к себе ароматом своих страниц, художественным убранством, тайнами своего содержания. Хотелось прежде всего узнать, где они теперь находятся — первенцы книгопечатания — как сложилась их судьба, подержать их в руках, познакомиться с ними, проникнуть в их тайны, попытаться разгадать их.

Так появилась мысль о поисках и изучении старопечатных книг.

О КНИЖНЫХ СЛЕДОПЫТАХ

Сегодня поиски старопечатной книги носят несколько иной характер, нежели, скажем, в XIX в. Тогда таким исследователям, как В. С. Сопиков, М. П. Погодин, П. М. Строев, И. П. Каратаев и В. М. Ундольский, приходилось разыскивать старопечатные книги по монастырским и частновладельческим библиотекам, лавкам букинистов и антикваров, делать первоначальное описание редких изданий. И именно усилиями этих собирателей были найдены и сохранены драгоценнейшие первоиздания отечественной печати.

Собрание старопечатных книг купца Каратаева поступило в Императорскую, ныне Ленинградскую Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

И когда теперь, занимаясь в этом прекрасном и богатейшем книгохранилище, вы раскрываете какое-то издание XVI или XVII века и читаете на обороте переплета надпись «Из библиотеки Ивана Прокофьевича Каратаева», то невольно проникаетесь уважением к памяти человека, для которого любовь к книге оказалась выше меркантильных интересов своего сословия.

О себе Каратаев рассказывал так: «Любовь к старопечатным нашим книгам у меня развилась очень рано; я всегда старался приобретать книги, прельщавшие меня своим старинным шрифтом и старинными гравюрами, сделавшись юношей, я стал с жадностью их отыскивать и покупать книги уже гораздо более старинные. Будучи 19 лет, я стал уже владельцем довольно порядочного собрания».

Изучение литературы, связь со знатоками старопечатных книг укрепили страсть к поискам редких изданий.

«Я совершал поездки по России и осмотрел со всевозможным старанием и аккуратностью многие библиотеки», — писал Иван Прокофьевич Каратаев в своем предисловии к «Описанию славяно-русских книг» в 1878 г.

Из поисков возникло стремление к изучению старопечатных книг, а затем к их описанию Собиратель стал исследователем, автором ряда библиографических трудов, не потерявших своего научного значения и до сих пор.

Нельзя умолчать и о другом купце — В. С. Сопикове. Около 20 лет занимался он книжной торговлей, собирал и изучал книги, а потом, оставив торговые дела, поступил на службу в Публичную библиотеку, работал там одновременно с И. А. Крыловым.

В. С. Сопиков подготовил и издал монументальный труд «Опыт российской библиографии, или полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на Славенском и Российском языках от начала заведения типографий до 1813 года» в 4-х частях. Работа вышла в свет в 1813—1821 гг., а затем была переиздана в XX в. Кстати сказать, именно Сопикову было поручено вывезти в Карелию редкие книги Публичной библиотеки, когда в 1812 г. возникла угроза захвата Наполеоном Петербурга. Сопиков сопровождал баржу с книжными сокровищами до Петрозаводска, а после разгрома наполеоновской армии доставил драгоценный груз обратно в Петербург в целости и сохранности.

В значительной степени благодаря таким энтузиастам и первооткрывателям, как Сопиков, Каратаев, Строев, Погодин, Ундольский, книжные редкости, памятники начального периода книгопечатания сохранены, попали в государственные хранилища и стали доступны для изучения.

Сегодня можно, пожалуй, говорить о завершении романтического периода поисков и собирательства. Нет-нет да и где-то в северных селах, в бывших монастырских библиотеках, в подвалах и на чердаках старых домов обнаруживаются новые библиографические редкости.

Вот несколько выдержек из газетных сообщений последнего времени: «В библиотеке Мукачевского монастыря местный краевед И. Л. Хоменко обнаружил книги «Библии русской», напечатанной Франциском Скориной в Праге в 1517—1519 гг., и «Библию», напечатанную Иваном Федоровым в Остроге в 1581 г.» (АПН). «Сотрудники отдела редкой книги Центральной библиотеки Академии наук УССР в помещениях Михайловской и Георгиевской церквей бывшего Выдубецкого монастыря выявили клад старопечатных книг. Среди них — страсбургское издание произведений Вергилия 1502 г., «Ботаника» Леонарда Фукса 1542 г. и другие редкости» (Известия, 10-IV 1968 г.).

«И. Н. Заволоко — пенсионер из Риги — преподнес в дар Пушкинскому дому приобретенную им подлинную рукопись протопопа Аввакума и инока Епифания, просидевших в земляных тюрьмах Пустозерска почти 15 лет, а затем заживо сожженных на костре 14 апреля 1682 г. «за великия на царский дом хулы». Наиболее ценной частью уникального автографа является сатирический рисунок Аввакума. На нем в карикатурном виде изображены тогдашние главари православной церкви» (Известия, 22-V 1968 г.).

Удивительные открытия делаются подчас и в самих книгохранилищах, где, казалось бы, давным-давно все уже учтено и описано.

В библиотеке Гарвардского университета (США) хранится «Букварь», напечатанный Иваном Федоровым во Львове в 1574 г.

В Готской библиотеке (ГДР) обнаружены «Азбука», напечатанная Федоровым в Остроге в 1578 г., и второе издание учебника славянского языка, подобного львовскому, с рукописной пометкой — «1583 г.».

И все же главное теперь не в отдельных находках, а в углубленном изучении того, что хранится в наших библиотеках, в раскрытии и постижении тайн древних книг.

Этому посвятила свою жизнь неутомимая исследовательница старопечатной книги А. С. Зернова, научная сотрудница Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Через ее руки прошли сотни старопечатных книг. Она рассматривала слово за словом, строку за строкой, сличая различные экземпляры одного и того же издания, находя порой отличия и разночтения, объясняя их. В результате этого кропотливого труда, равного подвигу, появилось несколько сочинений по истории книгопечатания и настоящая книговедческая эпопея — альбом «Орнаментика книг Московской печати XVI—XVII веков», изданный Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина в 1952 г.

А как не назвать старейшего и ведущего советского книговеда А. А. Сидорова, автора ряда замечательных исследований по древнерусской книжной гравюре и по истории оформления русской книги.

Их пример вдохновляет каждого, кто прикоснулся к «книгам за семью печатями», вошел в их мир, стал на стезю поисков. Меня прежде всего заинтересовала судьба книг первого века книгопечатания в нашей стране. Встал вопрос: с чего начать поиски? По книгам Каратаева, по библиографическим пособиям Ундольского, Сопикова, а также польских библиографов и, в первую очередь, по капитальной «Польской библиографии» Кароля Эстрейхера составляю предварительный каталог на издания 1525—1625 гг. Вначале

это был каталог книг, изданных в Вильнюсе и изученных несравненно хуже московских, киевских и львовских.

Одновременно знакомлюсь с фондами старопечатных изданий в основных книгохранилищах страны — в Ленинграде, Москве и Киеве, где полнее всего собраны книги кирилловской печати, в Вильнюсе и Львове, где полнее собрания книг, напечатанных латинским шрифтом.

Да только ли здесь? Ведь интересующие меня книги могут быть и в других городах Советского Союза, за рубежом. Везде побывать нельзя. Значит, надо использовать почтовую связь. Так или иначе пришлось «путешествовать» по всему свету, обращаться в десятки библиотек и музеев. Обращался один, два, три раза. Возможно, надоедал людям, возможно, на первых порах, проявлял некомпетентность. Но я был настойчив, а люди, работающие в библиотеках, в большинстве своем удивительно отзывчивы. Они давали советы, наводили справки, присылали списки имеющихся в книгохранилищах редких изданий, а иногда даже, по собственной инициативе, и фотографии титульных листов.

Из Орловской областной библиотеки им. Н. К. Крупской был не только получен исчерпывающий ответ о наличии там одной книги 1600-го года издания, но и фотография этого издания.

Из далекого Иркутска пришло сообщение, что в научной библиотеке университета хранится экземпляр «Фриноса», знаменитого полемического сочинения украинского ученого Мелетия Смотрицкого, напечатанного в 1610 г. в Вильнюсе на польском языке. «Фринос то есть Лямент» — книга интереснейшей судьбы. Мне удалось прочесть ее ранее, в Ленинграде. Фринос — по-гречески, лямент — по-польски означают плач, слезную жалобу, сетование на что-то. В данном случае это жалоба, сетование на положение, в каком

оказалось украинское и белорусское население в Панской Польше в результате насильственного насаждения церковной унии, усиления феодального и национального гнета. Написано сочинение страстным, образным языком. Автор резко и убедительно обличает заправил католической церкви и папство, их реакционную, антинародную политику. Не щадит он и православных иерархов, пекущихся только о собственной выгоде. «Не пастыри они, а волки хищные», — говорится в книге о духовенстве, католическом и православном. В подтверждение своих выводов сочинитель «Фриноса» привел свидетельства 142-х авторов — античных, средневековых и современных ему писателей и мыслителей. Среди них, например, я увидел и имя выдающегося таджикского философа и писателя Авиценны.

Впервые в нашей стране опубликован Смотрицким один из сонетов великого итальянца Франческо Петрарки — «Папскому двору в Риме», в котором резиденция главы католической церкви открыто названа гнездом распутства и насилия, рассадником горестей и бед для народных масс.

Немудрено, что польский король Сигизмунд III, предпринявший в тот период интервенцию против Московского государства, усмотрел в выпуске «Фриноса» призыв к бунту. По королевскому указу была разгромлена типография Вильнюсского братства, арестованы «справщики» — редакторы и корректоры, а книга приговорена к сожжению. Из всего тиража уцелела лишь небольшая часть разошедшихся по рукам экземпляров. Каким-то чудом попавший в Восточную Сибирь экземпляр «Фриноса» был одним из них. Нужно ли говорить, с какой радостью я включил в свой каталог иркутскую находку!

Иркутск удивил еще одним открытием. Оказывается, в той же научной библиотеке университета хранится Милан-

ское издание 1499 г. «Лексикона греческого», принадлежавшего Лаврентию Зизанию, известному украинскому ученому, автору двух учебников: «Букваря» и «Грамматики», составителю первого русско-славянского словаря — «Лексикона», напечатанного в Вильнюсе в 1596 г. Позднее я получил из Иркутска фотокопии некоторых страниц «Лексикона».

Надпись на первой странице гласила: «Книгу эту приобрел за собственные средства Лаврентий Зизаний в 1595 году». То есть как раз тогда, когда он работал над составлением своего словаря. Далее шли авторские заметки на полях на украинском, а некоторые на греческом языках. Иные очень краткие — одно, два слова, другие — несколько строк, а отдельные содержали целые статьи. На полях вильнюсского «Лексиса» Зизания я находил и статьи из новгородского азбуковника и других рукописных алфавитных справочников, ходивших по Руси с XIII в. Иркутская находка позволила заглянуть в творческую лабораторию древнего автора.

САМАЯ ПЕРВАЯ

Когда в нашей стране началось книгопечатание и вышла в свет первая печатная книга?

— В марте 1525 года! — обычно отвечали книговеды. Действительно, белорусский гуманист Франциск Скорина выпустил в свет «во славном месте Виленском» славянский

«Апостол», указав в конце книги, что издана она в марте 1525 г. До наших дней дошло около десяти экземпляров виленского «Апостола».

Но Скорина выпустил в Вильнюсе также сборник, назвав его в оглавлении Малой подорожной книжицей, т. е. книгой, предназначенной для людей, часто бывающих в дороге. До нас дошли единичные экземпляры сборника, да и то с большими дефектами. В одном из них, хранящемся в Ленинградской Публичной библиотеке, уцелело оглавление, помещенное в конце книги, «Писаные речи». Из раздела «Пасхалия или о пасце» сохранилась только первая страница, а все последующие листы, по которым можно было бы установить время издания книги, оказались утраченными. Отсюда догадки — ученые датировали выход Книжицы в свет приблизительно: то «около 1525 года», то даже 30-ми годами XVI столетия. И вдруг известие: в Королевской библиотеке Дании обнаружен экземпляр «Малой подорожной книжицы», в котором полностью сохранилась «Пасхалия». О находке появилась информация в лондонской печати. Затем была опубликована статья в белорусском журнале «Помнікі гісторыі і культуры...» Мне хотелось все же заполучить в руки документ, подтверждающий эти сообщения. Я послал запрос в Копенгаген. Дирекция датской библиотеки проявила большую отзывчивость, и из Копенгагена вскоре был получен микрофильм заключительной части уникального экземпляра «Малой подорожной книжицы». Надо ли рассказывать, с каким вниманием просматривал и читал я отснятые на пленку страницы 450-летней давности. Вслед за вступлением, с 14-го по 20-й лист включительно, помещен текст своеобразного календаря на несколько лет вперед, указаны церковные праздники — пасха, троица, и т. д. На 14-м листе — календарные сведения на 1523-й г.

Значит «Малая подорожная книжица» выпущена Скориной в Вильнюсе ранее «Апостола», а именно в 1522 г. — не позже и не раньше, иначе указывались бы даты праздников на 1522 г.

Первая печатная книга нашей страны любопытна во всех отношениях. Она предназначалась не для церковнослужебного пользования, а для чтения мирян. Наряду с обычным для тех времен религиозным текстом (в книжице помещены «Псалтырь», «Часословец», акафисты, каноны), в ней опубликованы различные сведения из области практической астрономии. Вот несколько выдержек из этой книги: «месяц май имеет дней 31, день же вначале имеет 15 часов 30 минут, ночь 8 час 30 мин, знамя бегу солнцева — Дева и Вага» (т. е. солнце находится в созвездии Девы и Весов — *А. А.)*; август — «день вначале имеет 15 часов 6 минут, ночь 8 час 54 мин. Знамена бегу солнцева Лев и Дева»... «14 сентября солнце входит во знамя небесное Вага и бывает равен день с ночью»; «...13 декабря наидлиннейшая ночь — 17 часов» и т. д.

В «Пасхалии» кроме дат праздников, сообщается о том, когда будут происходить затмения Луны и Солнца. «Гибель Месяца» (затмение Луны — *А. А.*) в 1523 г. «будет 1 дня марта пол 9-й годины по полудни. Другая гибель всея Луны — августа 25, по полунощи 3 годины». В 1524 г., по разумению Скорины, не должно было быть солнечного и лунного затмений, но произойдет «сошествие всех седми звезд блудящих (т. е. планет — *А. А.*) во знамени небесном в Рыбах месяца февраля». Далее указаны лунные затмения на 1526—1527 гг. и сообщено, что в 1530 г. «гибель всего Месяца будет октября 16-го дня, шесть годин до полунощи. Другая гибель солнца, больше половины — 28 марта». Таблица солнечных и лунных зат-

мений указана на 8 лет, хотя сама «Пасхалия» разработана на 21 год, по 1543-й год включительно. Текст «Пасхалии», имеющий общую нумерацию со «Святцами», завершается на обороте 20-го листа строками: «Доконаны суть сие вократце светци и поскалии, доктором Франциском Скориною, во славном месте Виленском».

Таково содержание новонайденной части Сборника Скорины. Находка не только кладет конец догадкам о времени выпуска первой печатной книги в нашей стране, но и знакомит с попыткой издания календаря. Что касается составителя Сборника, то он предстает перед нами и замечательным ученым-астрономом. Уместно напомнить, что Франциск Скорина окончил Краковский университет почти в одно время с великим польским ученым Николаем Коперником, затем совершенствовался в науках в знаменитом Падуанском университете, где получил звание доктора лекарских наук.

И еще несколько слов о судьбе Сборника Скорины. Выпущенный в нескольких сотнях экземпляров, он пользовался большой популярностью, читался и зачитывался до полного износа. В то же время издания белорусского гуманиста-просветителя подвергались нападкам со стороны иезуитско-католической реакции, преследовавшей в XVI—XVII вв. кириллические книги, выпускавшиеся на западе нашей страны. Не жаловали книги Скорины и столпы православия, считая их «препорчеными». Если прибавить к этому четыре с половиной столетия то станет понятным, почему издания Скорины дошли до нас в единичных экземплярах.

По одному экземпляру «Малой подорожной книжицы» хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, Историческом музее (Москва), Публичной библиоте-

ке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), в библиотеке Люблянского университета (Югославия). В библиотеке Академии наук СССР (Ленинград), во Львове и в библиотеке Кембриджского университета (Англия) сохранились лишь «Псалтири». Итого — четыре экземпляра более полного состава и три — в виде одной части. Теперь же в Копенгагене найден восьмой экземпляр редчайшего издания с неизвестными ранее страницами.

Уместен вопрос, как же календарная часть сохранилась только в одном экземпляре Сборника, оказавшемся за границей, а в отечественных экземплярах эти листы утрачены? Наиболее вероятен такой ответ: первые владельцы и читатели Сборника вынули из него семь листиков с календарными сведениями и пользовались ими так же, как мы теперь пользуемся настольными календарями. Изъятые из общего переплета и не представляющие компактной книги, эти листы по истечении лет, на которые был рассчитан календарь, не сберегались. Что касается копенгагенского экземпляра, то очевидно, он приобретен зарубежным путешественником в Литве или в Белоруссии для знакомства с русским языком, или просто как иноземная диковинка, привезен в Данию и сберегался там в виде редкости. Непонятный шрифт и язык, собственно, и способствовали тому, что книжица Скорины, затерявшаяся в массе книг многотысячной библиотеки, соблюдала свое инкогнито на протяжении нескольких сот лет. И только недавно сохранившийся экземпляр «Малой подорожной книжицы» открыл перед нами тайну своего рождения.

НАСЛЕДИЕ ПЕРВОПЕЧАТНИКА

А теперь перенесемся от выпуска первой печатной книги на полвека вперед и пройдем путями прославленного московского и украинского первопечатника Ивана Федорова.

Известно, что выпустив две книги, Иван Федоров и его помощник Петр Мстиславец вынуждены были покинуть Москву и отправиться «в страны незнаемые». Прибыв в столицу Литвы — Вильнюс, они встретились с литовскими и белорусскими деятелями, обсуждали с ними возможности книгопечатания в этих краях. По соглашению с гетманом Ходкевичем в белорусском местечке Заблудове была основана типография. Здесь выпустили Иван Федоров и Петр Мстиславец одну книгу. Потом Петр Мстиславец уехал в Вильнюс, где основал типографию в доме купцов Мамоничей. А Федоров некоторое время оставался в Заблудове, напечатал еще одну книгу, после чего обстоятельства снова вынуждают его отправляться в путешествие. На сей раз в украинский Львов.

Во Львов Федоров прибыл в конце 1572 г. и сразу начал хлопотать о создании типографии. Обратился за содействием к зажиточным горожанам, посетил «богатых и благородных в мире, помощи прося от них». Однако богачи и сановники не отозвались на предложение первопечатника. Тогда он обратился к простому люду. И простые люди Львова пришли на помощь Федорову. По грошам собрали средства на оборудование типографии и приобретение бумаги и красок.

25 февраля 1573 г. Федоров начал набирать и печатать «Апостол». Через год — 15 февраля 1564 г. — первая на земле Украины печатная книга вышла в свет. Она прекрасно оформлена — таким же фронтисписом, что и московский «Апостол», заставками, инициалами и концовками; хорошо отпечатана. На обороте последнего листа, а их всего 278, помещена гравюра — композиция герба города Львова с типографским знаком первопечатника.

Самое замечательное во львовском «Апостоле» — послесловие Ивана Федорова — живая, талантливая повесть о своей судьбе, о начале книгопечатания в Москве, о гонении на первопечатников со стороны «многих начальников и священноначальников», обвинениях в еретичестве, об отъезде из Москвы, скитаниях по стране, прибытии во Львов и создании здесь типографии. Послесловие Федорова — первое на Украине и в России светское печатное произведение публицистического жанра.

В том же 1574 г. во Львове издан первый в нашей стране печатный учебник — «Букварь». Это — небольшая книжечка в одну восьмую листа на 80 страницах. Она содержит в себе славянскую азбуку, упражнения по чтению и письму, начала грамматики. «Букварь», как и «Апостол», сопровожден послесловием. Федоров обращается к «возлюбленному русскому народу», для славы и процветания которого он трудится, и учебник этот — «от грамматики мало нечто.... вмале сократив сложих», «ради скорого младенческого научения».

Из Львова Федоров переезжает в Острог. Снова — основание типографии, уже четвертой по счету. В Остроге же Федоров 5 мая 1581 г. напечатал двухстраничную листовку-календарь под заглавием «Хронология», составленную писателем Андреем Рымшей. «Хронология» может считать-

ся родоначальницей печатных календарей в нашей стране. Единственный известный экземпляр этого календаря находится в Ленинградской Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Из Острога Федоров возвращается во Львов. Много было у него творческих планов и замыслов, но осуществить их не удалось. 5 декабря 1583 г. Иван Федоров — «печатник з Москвы» — скончался. Похоронен он во львовском Онуфриевском монастыре.

Какова же судьба наследия Ивана Федорова?

Основное, конечно, в том, что по почину Федорова книгопечатание росло и ширилось по всей стране. Федоровские традиции сохранялись и развивались. На Украине вслед за львовской и острожской создаются типографии: в 1601 г. — в Дермани на Волыни, в 1603 г. — в Стрятине, в 1616 г. — в Киеве, в 1646 г. — в Чернигове...

Учебники Федорова — львовский и острожский — послужили прототипом для последующих изданий букварей в Остроге и Вильнюсе в 1580-х и 1590-х гг. Экземпляры таких букварей обнаружены в Королевской библиотеке в Копенгагене (Дания), в библиотеке Оксфордского университета (Англия), в Ленинградской Публичной библиотеке. Не только по содержанию эти учебники схожи с федоровскими, но и по техническому выполнению — по шрифту, орнаменту.

Не случаен и тот факт, что «Грамматика», изданная в 1586 г. вильнюсской типографией Мамоничей, готовилась в Остроге, возможно, еще во время пребывания там Федорова. Книга эта сейчас — одна из редчайших. Сохранилось всего два экземпляра и то с большими дефектами: один — в Ленинградской Публичной библиотеке, второй — в Центральном государственном архиве древних актов (Москва).

В ленинградском экземпляре существует послесловие, свидетельствующее об острожском происхождении этого учебника.

Издание учебников продолжало развиваться. В 1591 г. Львовское братство выпускает греко-славянскую грамматику, посвящая ее «многоименитому Российскому роду», в 1596 г. Вильнюсское братство издает целых три учебных пособия: «Азбуку», «Грамматику» и «Лексис» (словарь), подготовленные Лаврентием Зизанием. Потом следуют три издания «Грамматик» (букварей — *А. А.*) 1618—1621 гг. в Вильнюсе же и, наконец, «Грамматика» Мелетия Смотрицкого — 1619 г. — в Евье, от которой можно проследить связь с «Грамматикой» Михаила Ломоносова 1755 г.

Любопытна судьба и федоровского орнамента. После кончины своего создателя он продолжал жить в книгах XVI, XVII и даже XVIII столетий. Необычно интересен путь фронтисписа, которым оформлен московский первопечатный «Апостол». Рама фронтисписа, изображающая триумфальную арку весьма искусно вырезанную на дереве, как и другие детали книжных украшений, воспроизводилась Федоровым в его изданиях. Этой рамой оформлены львовский «Апостол» 1574 г., а затем — острожская «Библия» 1580—1581 гг. Раму московского фронтисписа я неоднократно встречал и в вильнюсских изданиях. Но здесь использовалось не подлинное произведение Федорова, а его копия, умело выполненная, возможно, Петром Мстиславцем и его вильнюсскими учениками или львовским учеником Федорова — Гринем Ивановичем, приезжавшим в Вильнюс для выполнения заказов типографов Мамоничей. Отличие копии от оригинала в том, что в ней, помимо среза нижних выступов колонн, как во львовском и острожском изданиях, убран также наружный виток листа, расположенного вни-

зу, у основания правой колонны. Местные мастера, очевидно, решили в данном случае «исправить» оригинал, в котором была допущена частичная асимметрия — у листа слева наружный виток отсутствовал, а у листа справа был. Во всем остальном московский рисунок воспроизведен совершенно точно.

Копией федоровской рамы Мамоничи оформили два своих издания «Апостола» 1590 и 1591 гг. и «Евангелие толковое» 1595 г.

Рама московского фронтисписа появлялась на изданиях то одной, то другой вильнюсской типографии. В 1597—1605 гг. при издании «Постиллы» («Евангелия недельного») Григория с Жарновца, напечатанной на польском языке в друкарне Яна Карцана, она использована дважды: при оформлении основного титульного листа и титула второй части книги. Экземпляр этого издания хранится в Библиотеке Академии наук УССР во Львове. В 1599 г. в Вильнюсе вышла «Постилла» на литовском языке в переводе родоначальника литовского литературного языка Микалоюса Даукши. И книга предстала перед читателями с титулом в том же оформлении, что и первопечатные московская и львовская книги. После «Реестра» (оглавления — *А. А.*) заверстана концовка из львовского «Апостола». Еще раз я встретился с рамой московского «Апостола» в «Постилле литовской», напечатанной на литовском языке в 1600 г. местными протестантами в типографии Якуба Моркунаса.

Случайно ли, спрашивал я себя, появились все эти детали федоровского оформления в литовских книгах? Случайно могла появиться одна какая-то деталь, а не целая группа компонентов оформления, взятых из московских, львовских и острожских изданий.

Вильнюсские авторы и полиграфисты внимательно следили за московскими и украинскими изданиями, пользовались федоровским арсеналом книжных украшений, воспринимали опыт и традиции первопечатника. Что касается львовских изданий, то, по наблюдениям А. С. Зерновой, федоровский орнамент присутствует в них до конца XVIII в.

ЛЬВОВСКАЯ НАХОДКА

Всякая новая находка, раскрытая тайна побуждали меня продолжить поиски. Отдельные неудачи, встречавшиеся трудности уже не могли остановить меня. Узнав, что в той или иной библиотеке имеется интересовавшее меня издание, я уже стремился туда. Служебная командировка в Киев использовалась и для занятий в отделе редкой книги Публичной библиотеки УССР, для ознакомления с книжными сокровищами Киево-Печерской лавры. Тем более, что служебные занятия происходили днем, а вечерние часы были в моем распоряжении. Поездка в Одесский санаторий — также хороший случай для занятий в Научной библиотеке им. А. М. Горького. В этой библиотеке, кстати сказать, я получил истинное наслаждение, любуясь коллекцией уникальных гравюр-инициалов, которыми оформлен «Часослов», напечатанный Леоном Мамоничем в 1617 г.

В Одессе же прочел в оригинале стихотворный «Лямент» («Плач») по поводу кончины известного борца против

унии Леонтия Карповича. Книга эта отпечатана кириллицей в типографии Вильнюсского братства в 1620 г. Она дошла до наших дней лишь в одном экземпляре. «Лямент», видимо, — плод коллективного творчества студентов и преподавателей братской школы. С большой теплотой повествуют они о Карповиче, его деятельной жизни, мужестве и стойкости в борьбе за свободу и справедливость, о жадности к науке, «которую в мысли, в душу и сердце клал во дни и в ночи». Сказано и о том, как «была солодка и смачна манна его науки», как Карпович, являясь, по существу, руководителем братства, заботился о людях: «знал час, меру, особу», кому и в чем надо помочь. По традиции в «Ляменте» использованы образы античной мифологии: сестрам-богиням Клото, Лахесис, Антропос бросается упрек в том, что они безвременно порвали «клубок веку живота» Карповича.

Наиболее примечательна последняя часть книги. Как бы от лица Карповича в ней дано напутствие братству и всему «российскому народу» не оплакивать умершего, а думать о живых, о достойной жизни, так как «кто долго жил, а зле жил, доброго ничего не учинил — мало жил». Тут же следует призыв к молодому поколению: воспитывать в себе правила доброй, правдивой жизни, бороться против зла, всегда думать о славе «российского народа», быть твердыми в преданности Востоку (России — *А. А.*), «откуль солнце бег звыклый зрана зачинает».

Оказавшись в Казани на праздновании юбилея местной газеты — я в любой свободный час шел заниматься в библиотеку университета и в местные музеи, где есть старопечатные издания. В библиотеке унивеситета обнаружено подобие иркутской находки. На «Лексиконе латино-польском» 1564 г., принадлежавшем ранее «Библиотеке академии Виленской» (о чем можно судить по экслибрису), я

увидел несколько рукописных пометок. Возможно, они сделаны известным литовским филологом XVII в. Константином Ширвидасом, составителем латино-польско-литовского словаря, впервые напечатанного в 1629 г.

Особенно плодотворной была поездка во Львов. Здесь я увидел десятки вильнюсских, московских, киевских, львовских изданий, о которых раньше знал только по литературным источникам. Встретились и такие издания, о каких вообще ничего не упоминается в русской библиографической литературе. В библиотеках Академии наук УССР и Львовского университета мне удалось прочесть первопечатное произведение на экономическую тему «О лихве», т. е. о проценте, написанное по-польски уроженцем Львова Мартином Смиглецким. Составитель, использовав местные факты, а также примеры из быта купцов, итальянских и испанских, попытался обобщить их, сделать свои выводы. Он осуждает ростовщичество, монополии, искусственное вздутие цен. «Ростовщичеством является, — пишет Смиглецкий, — если ссудить десять бочек зерна плохого с обязательством отдать десять бочек зерна хорошего», а также «придержание зерна до дорогого времени». Монополии он считает великим злом для людей, которые должны из-за них «по дорогой цене покупать». «Если бы кто получил привилегию здесь, в Вильне, — пишет Смиглецкий, — одному продавать изделия из стекла, нельзя бы такую привилегию справедливой считать, ибо она была бы против общих интересов, так как кроме этого нашлось бы для продажи в Вильне стекло лучшее и по более дешевой цене». Прямой намек на «королевский привилей», выданный вильнюсскому стеклозаводчику Мартину Палецкому. Об этом «привилее», кстати, упоминает историк С. М. Соловьев в 4-м томе своей «Истории России».

Сочинение Смиглецкого пользовалось успехом. За один 1596 г. вышло три издания: два — в Вильнюсе и одно — в Кракове. Затем оно переиздавалось в тех же городах с 1604 по 1753 г. еще восемь раз. Четвертое издание появилось с некоторыми дополнениями. В него, например, включен раздел о прислуге, где есть такая фраза: «Неволя слуг бывает горше, нежели неволя татарская».

Во Львове я познакомился с тремя первыми изданиями сочинения «О лихве» М. Смиглецкого, сравнил их друг с другом, отметил для себя разночтения в тексте и отличия в типографском оформлении.

Львовскому историческому архиву я обязан и еще одной находкой. Просматривая рукописный каталог старых изданий, встречаю название — «Барвичка... Вильно, 1605». Разыскали книжечку. И вот я вчитываюсь в каждую строку готического шрифта. В книге всего 8 страниц. На титульном листе после заглавия — эпиграф: три строки из «Илиады» Гомера, посвященные женской красоте. На обороте титула стихотворное «Предисловие к женщинам». С тонкой иронией в нем сказано о заветном желании каждой женщины быть или казаться красивой и об огорчении тех, у кого наружность недостаточно привлекательна. Затем на шести страницах идет основной стихотворный текст, пронизанный юмором, порой приобретающий сатирическое звучание.

Составитель «Барвички» высмеивает знатных и состоятельных родителей, которые воспитывают своих дочерей в безделье, в любви к роскоши и нарядам. Он вспоминает при этом давние времена и добрые традиции старины, когда больше стремились к труду. Но раз уж он взялся помочь девушкам, то так и быть, как лекарь добрый, рекомендует им верный путь к украшению лица. Не нужно в Ин-

дию и в края Ливийские ездить в поисках снадобий для умащения тела, их и родная земля родит. Достаньте, советует автор, рога молодой лани, возьмите корень нарцисса, цвет груши, мед пряный. Все собранное после необходимой обработки и подготовки по указанным нормам растворите в козьем молочке — и румяна готовы. В другом рецепте называются чеснок, фиалковый корень, цвет и корень мирты, розы красной и другие растения. «Вот вы лекарство, — обращается автор к читательницам, — мною изготовленное, имеете. Барвичкой названное. От его употребления лицо станет привлекательным. Пользуйтесь им на здоровье, девушки».

Таково вкратце содержание печатного руководства по косметике. Оно любопытно с нескольких сторон. Во-первых, это все же своеобразное пособие по медицине. Причем в нем предложены рекомендации, не утратившие своего значения и доныне. Далее, при всей специфичности темы автор нашел возможность придать своему сочинению социальное звучание, гуманистическую окраску. «Барвичка» совершенно свободна от обычной для того времени религиозной терминологии. Слово «монахиня» употребляется с презрением к этому сословию. «А капица (монашеская ряса.— *А. А.*) смердит» — подчеркивает автор. В период господства религиозной морали и церковной цензуры это было довольно смелым заявлением. И поэтому автор брошюры и скрылся за псевдонимом.

«Барвичка» — очень редкое издание. В 1916 г. в периодическом органе «Пямятники литературы» появилась статья польского библиографа К. Бадецкого «Неизвестная брошюра женская», в которой дано описание «Барвички» и воспроизведен ее титульный лист. Автор статьи, директор библиотеки института им. Оссолинских, находившегося

тогда во Львове, имел в руках экземпляр из книжного собрания Зигмунта Чарнецкого. На титульном листе брошюры стоял № 5629 и знак редкости издания. Бадецкий настолько заинтересовался уникальной брошюрой, что собственно перерисовал ее и распорядился сделать несколько литографических оттисков.

Многие книжные редкости из собрания Чарнецкого находятся сейчас в отделе редкой книги библиотеки Академии наук УССР во Львове. Но «Барвички» среди них не оказалось. След этого экземпляра потерялся. Пока неизвестно, сохранились ли где-либо литографированные переиздания. Возможно, что обнаруженный во Львовском историческом архиве экземпляр «Барвички» является единственным дошедшим до наших дней.

ПОД СВОДАМИ «КАБИНЕТА ФАУСТА»

В 1955 г. мне довелось заниматься в святая святых старопечатной книги, в хранилище инкунабул и палеотипов — в «кабинете Фауста» Ленинградской Публичной библиотеки.

Неторопливо рассматриваю «Грамматику», напечатанную в 1621 г. Замечаю ее неоднородность как по тексту, так и по шрифтовому оформлению.

«Азбука занимает четвертую часть книги... Многостилие в украшениях (заставка и фигурные буквы)... Различие

в шрифтах азбуки от другой части», — пометил я в записной книжке. В печати же не высказал своих наблюдений. А другой исследователь той же старинной книги В. С. Люблинский, работавший над ней, заинтересовался разночтениями, остановился на них, обстоятельно изучил тексты и пришел к определенному выводу, который я только угадывал.

Здесь мы имеем «сплетение вместе частей разных изданий (точнее разных книг)». Одна часть, совпадая по форме и содержанию с львовским букварем 1574 г., изданным Иваном Федоровым, «явственно разнится от прочих частей по шрифту, печати и даже по бумаге... Перед нами, таким образом, неожиданно обнаружился (несмотря на инвентаризацию 1953 г.!) новый экземпляр некоего федоровского букваря, правда, неполный и по набору, да и по орнаменту несколько от львовского букваря 1574 г. отличный», — написал от этом открытии В. С. Люблинский в «Известиях Академии наук СССР по отделению литературы и языка» в 1955 г.

Так было найдено одно из современных Ивану Федорову переизданий его львовского учебника.

Почти также отыскался еще один экземпляр брошюры Андрея Курбского «От другие диалектики». «Бежавший от царского гнева» в Литву и искавший здесь отрады в науках, князь А. М. Курбский сотрудничал с вильнюсскими издателями Мамоничами. В их типографии было напечатано несколько его книг, в том числе и упомянутое руководство по логике, вернее, по одному из ее разделов — о силлогизме. Оно предназначалось автором в качестве пособия в спорах и дискуссиях с иезуитами, дабы «оборонять правду словесною силою». Брошюра Курбского, вышла в 1586 г. одновременно с «Грамматикой» славянского языка. Впервые о ней сообщил в 1900 г. известный историк русского

просвещения К. В. Харлампович. Но он упоминал об одном экземпляре. Уже в наше время советский книговед А. С. Зернова утверждала: «печатный экземпляр „Диалектики" — единственный».

Вооруженный такими свидетельствами, я и приступил в архиве к рассмотрению сплетенных вместе «Грамматики» 1586 г. и брошюры «От другие диалектики». И вскоре должен был убедиться, что к «Грамматике» приплетены не один, а два экземпляра брошюры Курбского, причем приплетены так, что в первом порядковом экземпляре недостает последнего — шестого листа, а во втором — предпоследнего, пятого. Возможно, именно в те минуты я в полной мере ощутил, как много неожиданностей встречается читателю и исследователю старопечатных книг, насколько увлекательными могут быть попытки разгадать встречающиеся на пожелтевших от времени страницах загадки. И возможно, с таких, пусть и небольших, но все же открытий человек из читателя и наблюдателя становится исследователем.

НА ПРОСТОРЫ ОБИ

Однажды в отделе редкой книги библиотеки Академии наук Литовской ССР встретилась мне книга под заглавием «Радивилиас», выпущенная в 1588 г. типографией Яна Карцана. Знакомлюсь с текстом. Проза и стихи на латинском и польском языках и целая поэма, написанная гекзаметром «золотым пером» некого

Яна Радвана Литвина, «дееписа славного, который с Падуи пришел», то есть окончил Падуанский университет.

В поэме упоминаются многие местности Литвы и Руси, факты из их истории.

При описании сражений Радван подражает «Илиаде» Гомера. Да и название поэмы, и всей книги, буквально означает «Илиада Радвила». Войскам Радвилы удалось выиграть ряд сражений. Описывая победы литовского гетмана, автор в то же время отдает дань мужеству русских воинов, сравнивает их с греческими воинами, осаждающими Трою, рассуждает о бескрайних просторах русского государства, о его многоплеменном населении. Процитирую несколько строк из перевода поэмы — и вы почувствуете, что автор о современных ему событиях говорит языком греческого поэта:

Перед взором твоим пройдут
длинным рядом
Племена различные по языку,
оружию и мужам, —
И казанское племя, и беспокойные переяславцы,
Рязанцы и лучники-муромоны,
Ростовцы, жестокие тверцы, сильные
северцы.
И отряд астраханских, дышащих
силой,
И крайние из людей, блуждающие
у льдов моря,
Двинцы — великие народы и вожди.
Пройдет житель крайних границ Оки.
... И те, кто населяет Солону, что
ледяными волнами
Вливается в Обь, шире которой
реки нет.
... Сибиры — соседи персов, воинственное племя,
Обрабатывающие свои поля
вблизи городов ахеменидов,

И народы Азии с той стороны
Волги,
И Танаиса*, отделяющих Европу от Азии...

Приведенные выдержки из поэмы Радвана совпадают с теми местами «Илиады», где Гомер живописует рати «ахейских сынов кудреглавых», «их племена, как птиц перелетных несчетные стаи».

Почти все названия племен и мест, описанных Радваном, расшифровываются без труда. Лишь две строфы заставили задуматься:

... И те, кто населяет Солону,
что ледяными волнами
Вливается в Обь...

Беру географическую карту, рассматриваю бассейн реки Оби, ее низовья. Реки с названием Солона не нахожу. Обращаюсь к специалистам — историкам, географам, топонимикам. Завязывается переписка с Ленинградом, Томском, Тобольском, Тюменью.

Замечательный специалист по топономике Западной Сибири профессор Томского педагогического института А. П. Дульзон отвечает: Солона — «река», производное от кетского Солонзас. Но под таким названием значится левый приток реки Кабырза на Алтае. На Оби подобного наименования пока не найдено.

Профессор Института Арктики и Антарктики М. И. Белов, возглавлявший археологическую экспедицию в Тазовском районе, сообщил: в старинных рукописях и книгах названия Солона-река не встречал.

Поиски продолжаются в старых картах с древними названиями сибирских рек. В руках у меня — «Карта России»,

* Древнее название Дона.

составленная по чертежу сына Бориса Годунова царевича Федора, впервые напечатанная в 1614 г. в Амстердаме. Русские названия на ней написаны латинскими буквами. Здесь-то и обнаруживаю, что один из правых притоков Оби, севернее Березова, обозначен как Сола-река. Не соответствует ли это названию реки Солоны, воспетой в «Илиаде Радвила»?

Снова — розыски, переписка, консультации. Снова «поход» в низовья Оби, на сей раз в Салехард — центр Ямало-Ненецкого национального округа, к своим коллегам-журналистам, в редакцию газеты „Красный Север". Долго ли коротко ли — получаю из Салехарда ответ на свой вопрос: «Задали же вы нам загадку, — пишут товарищи из "Красного Севера". — Реки Солы или Солоны и мы не знаем. Но, судя по чертежу, что вы приложили к письму, — это Казым, река по европейским понятиям большая, Днепру по многоводности не уступающая». А самое важное и обнадеживающее шло дальше. «Вероятно, разгадку надо искать в речи, "Солона", на диалекте обских коми, — пояснял ненецкий поэт Юван Юганпелик, — означает "соленая", "солон" же в переводе с ненецкого означает — половодье, разлив, вешние воды». Это близко к истине. Русские землепроходцы, попавшие в низовья Оби в пору весеннего половодья, слышали, как коренные жители упомянутого района — ненцы называли разлив реки словом „солон", и восприняли его как наименование реки. Под таким названием один из больших притоков Оби, возможно, действительно теперешний Казым, вошел в первоначальный чертеж, с которого впоследствии попал на географические карты и в литературу того времени о Московском государстве. Автор «Радивилиаса» Радван, как видно, неплохо знал историю и географию Русского государства и литературу о нем.

Для нас поэма Радвана ценна тем, что она является одним из первых печатных поэтических произведений о нашей стране и ее народах. Из нее мы узнаем, как уже в XVI в. на защиту независимости нашей Родины плечом к плечу с русскими выступили народы Дона и Поволжья, Сибири и Средней Азии, Юга и Крайнего Севера, что сражались они дружно и мужественно. Недаром они сравниваются с легендарными героями, воспетыми Гомером.

СОКРОВИЩЕ КОРНИЦКОГО ЗАМКА

Много драгоценных находок принесло «путешествие» по зарубежным библиотекам и музеям.

Однажды я получил из Польши большой список старых вильнюсских изданий, хранящихся в Корницком замке, где сейчас разместился филиал библиотеки Польской Академии наук. В XVI в. замок принадлежал познанскому воеводе С. Гурке. Сановитый шляхтич увлекался книжными редкостями, не жалея средств на их приобретение. Книги переходили по наследству от одного владельца замка к другому. Особенно увеличилась библиотека, когда замок в XVIII в. стал собственностью магната-библиофила Т. Дзялыньского. Корницкий замок превратился в сокровищницу «бумажных алмазов».

По данным 1968 г., в Корнике — 23 759 старопечатных книг, свыше 12 000 рукописей.

Все наименования из полученного списка были необычайно интересны, но одно особенно привлекло внимание. Оказывается, в Корнике хранится сборник рассказов из жизни знаменитых людей древнего мира и их изречений, составленный Беняшем Будным. Напечатан он на польском языке под замысловатым названием: «Кратких и ясных повестей, которые по-гречески называются Апофегмата. Книги IV. Через Беняша Будного, слугу Е. К. М. пана Христофора Радзивила, княжича на Биржах с Дубинок, воеводы Виленского, наивысшего гетмана Великого Княжества Литовского... Теперь заново с различных лучших авторов собрано и издано. Друковано в Вильне, у Яна Карцана, в году 1599».

Попросил у польских товарищей прислать микрофильм сборника. Хотелось побыстрее убедиться в дате и месте выхода книги в свет. Микрофильм получен. Сомнений нет: сборник впервые вышел в свет в 1599 г.

Насколько важно было установить именно этот факт, видно из следующего: составитель «Польской библиографии» К. Эстрейхер знал о первом издании «Апофегмат» Будного лишь по литературным источникам и смог записать только заглавие и дату напечатания книги, а позднее, при описании ее, имел под руками одни любчанские и краковские переиздания, о первом же, вильнюсском, издании даже не упоминает. Скупо говорится о первом издании сборника и в трудах современных польских книговедов. В русской литературе появление «Апофегмат» Будного относили то к началу XVII в., то даже к концу его. В Польше подобные сборники вели начало от «Апофегмат», составленных Реем из Нагловиц в конце XVI в. А все дело в том, что наши книговеды пользовались не первоисточником, а повторными изданиями. Многие из них и не по-

дозревали, что в Корницком замке кроется ответ на сомнения и догадки.

Несколько слов о составителе сборника. Беняш Будный — весьма интересная личность, можно сказать, звезда первой величины на литературном небосклоне XVI — начала XVII в. Предполагается, что он ближайший родственник известного белорусского вольнодумца Симона Будного, его брат или сын (скорее всего сын). Но в отличие от Симона, произведения которого в значительной степени связаны с религиозными вопросами и спорами, Беняша, видимо, совершенно не интересует богословие, он занят переводом и изданием книг сугубо светского характера. Широко образованный человек, окончивший университет в Кролевце — Кенингсберге — Беняш хорошо знал античную и современную ему литературу. Он называет себя слугой литовского гетмана князя Христофора Радзивила. Надо полагать, у Будного при дворе князя были какие-то служебные обязанности, о чем говорится в предисловии к «Апофегматам», а в свободное от них время он и занимался переводом античных авторов, пользуясь при этом богатейшей библиотекой Радзивилов. В 1595 г. Б. Будный дебютировал в изданиях книгопечатника Карцана переводом сочинения Цицерона «О старости». Позднее, у Карцана же, напечатан его перевод сочинения Цицерона «О дружбе». Перевод книг Цицерона явился пробным камнем при начале большого литературного предприятия. В начале 90-х гг. у Будного появляется мысль о выпуске сборника рассказов из жизни знаменитых людей античного мира и их изречений. Очевидно, материал для него накапливался постепенно в результате каждодневных занятий литературой. В 1598 г. Будный завершил работу над сборником и предложил его Карцану. Тот охотно взялся напечатать такую книгу.

Оригинально написано предисловие составителя. «Многие, — подчеркивает Будный, — в наше время пишут книги, но когда примешься читать их, то удовлетворения не получаешь. А все оттого, что повествуется в них о малозначительных вещах, о сварах, спорах своих, о родословных. Читая такие книги, читатель обычно оказывается, как в лесу каком, глаза и память натрудивши, все быстро забывает и к чтению охоту теряет. Учитывая это, я предлагаю вниманию читателя книжки, которые, малыми будучи, большой смысл в себе содержат, ибо здесь все изложено кратко и ясно. Читать их будешь с интересом и пользой. Удовлетворение дает уже сама вариация: что ни раз, то иная вещь и свой автор по вкусу и его произведение. Польза будет от того, что ты прочитаешь, запомнишь и в различных случаях жизни мудрыми мыслями руководствоваться сможешь, использовать их и в публичных выступлениях и в частных разговорах. Но я не хочу об этом больше распространяться. Каждый читающий сам все узнает. А когда совместно двое читать станут, и польза от этого будет двойная...» Заканчивается предисловие изречением мудрого Соломона: «Слушая мудрых, сам мудрым будешь».

Основной текст «Апофегмат» — 137 страниц — разделен на четыре книги-части. В них — 487 кратких повестей и изречений. Первая книга озаглавлена: «Кратких и ясных повестей Книга первая. В ней описаны повести философов». В этой, самой большой, части сборника помещено 300 рассказов из жизни мыслителей Древней Греции. Вторая книга носит название: «Кратких и ясных повестей. Книга вторая, в которой даны повести цезарей, королей, княжат, гетманов, сенаторов и иных вышестоящих». В ней — 126 рассказов из жизни знаменитых мужей древнего мира и средневековой Европы. «Книга третья заключает повести лаке-

демончиков», то есть знаменитых людей древней Спарты. И наконец: «Книга четвертая. В ней даны повести жен мудрых». Здесь 17 рассказов из жизни знаменитых женщин мира. Многие из повестей сопровождены комментариями составителя (245 из 487). Иногда комментарии очень кратки — несколько строк, иногда они занимают половину или даже больше страницы.

Вот одна из такого рода статей: «У древних был обычай людям ученым или мужественным, в память их, с меди или иного материала памятники ставить. Был такой памятник и Ахиллесу. Придя к нему и украсив его венками, Александр Македонский произнес: „Счастлив ты, Ахиллесе, что при жизни своей имел столь верного друга Патрокла, а по смерти столь знаменитого поэта Гомера, который воспел мужество твое".

Дела человеческие, будь они и славнейшие, выветрились бы из памяти людской, если бы о них в сочинениях людей ученых не рассказывалось. Как каждому то понятно, что о многом мы ничего не ведаем; а знаем только о том, о чем поэты или историки, или иные авторы написали. Хотя ж ясно, что и перед Гомером, давнейшего перед которым мы не имеем, было немало людей мужественных и знаменитых. Но поскольку о них никто не писал, то и слава вместе с ними в гроб ушла, как образно пишет поэт Гораций:

Было и перед тем героев много, — перед Троянским
Временем. Но без славы все лежат в земле.
И ничего мы о них не знаем, ибо все окутано
Вечной ночи мраком, так как и книги этого не касаются.

И тот же поэт пишет:

Не велико искусство нечто от никчемности
Превратить в достоинство, когда все погребено неведением».

150 лет спустя тот же пример приведет в своей статье М. В. Ломоносов. Рассуждая о забытых древних языках и народах, он напишет:

«Бывали и там герои, бывали отменные дела в обществах, бывали чудные в натуре явления; но все в глубоком неведении погрузились. Гораций говорит:

Герои были до Атрида,
Но древность скрыла их от нас:
Что дел их не оставил вида
Бессмертный стихотворцев глас.

Счастливы греки и римляне перед всеми древними европейскими народами. Ибо хотя их владения разрушились, и языки из общенародного употребления вышли, однако из самых развалин, сквозь дым, сквозь звуки в отдаленных веках слышен громкий голос писателей, проповедующих дела своих героев... Последовавшие поздние потомки, великой древностью и расстоянием мест отделенные, внимают им с таким же движением сердца, как бы их современные одноземцы. Кто о Гекторе и Ахиллесе читает у Гомера без рвения? Возможно ли без гнева слышать Цицеронов гром на Катилину?..»

Мы не склонны категорически утверждать, что В. М. Ломоносов использовал одну из «повестей» «Апофегмат». Но это не исключено. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что М. В. Ломоносов читал и рукописный список «Апофегмат», и одно из печатных изданий, скорее всего современное ему издание 1745 г.

Комментарии, как и сам подбор «повестей» и афоризмов, отражают гуманистическое мировоззрение Б. Будного, содержат оценку исторических событий и деятелей. Отдельные комментарии подкреплены ссылками на местные факты, сопровождаются народными поговорками: «Найдешь и в

рясе сукно», «Утратившему ложью доверие не поможет быстро вернуть его и кропление святой водой», «Каковы у кого дела и забавы, таковы и сны бывают», «Не говори гоп, пока не перескочишь», «Не учись у старого, учись у бывалого», «Дана курице гряда, а она башню хочет», «Не клади пальца между дверью», «Кто только ртом болтает, тот не много наработает», «Все хорошо в меру» и т. д.

Чтобы представить характер «повестей», помещенных в этой старинной книге, приведу некоторые из них.

Сократ, увидев однажды очень богатого и напыщенного, но никакими достоинствами не отличающегося человека, сказал о нем: «Вот обычная лошадь, в серебро убранная». Тут же следует комментарий Будного: «Люди неумные, возлагая на себя куски серебра или золота, не разумеют того, что золото глупому мудрости не придает, равно как коню серебряная амуниция — ни проворства, ни рыси придать не может».

Когда спросили *Платона,* что за разница между ученым и неученым человеком,— он ответил: «Такая, как между медиком и пациентом».

Достигнув 62-х лет, *Аристотель* захворал настолько серьезно, что было мало надежды на выздоровление. Сошлись тогда к нему его ученики и просили, чтобы он назначил себе преемника. (А было между ними двое лучших — Феосфраст с Лезвы и Менедем с острова Родос.) Аристотель обещал это сделать, предварительно подумав. Некоторое время спустя снова собрались ученики по тому же поводу. На сей раз философ попросил принести ему вина лезвийского и родосского. Попробовав того, что с Родоса, он сказал: «Крепко поистине вино и вкусно». Потом отведал того, что с Лезвы, и заметил: «Оба хороши, однако ж лезвийское вкуснее». Из этих слов каждый понял, что Аристотель из-

брал себе в преемники Феофраста, но поступил при этом с большим тактом: обоих претендентов похвалил, предоставив своим слушателям возможность избрать того, кого бы они хотели иметь руководителем.

Как-то *Диоген* беседовал о серьезных вопросах, но слушать его не захотели. Тогда он запел шуточную песню, и сразу вокруг него собралось множество людей. Философ с укором заметил им: «На любой пустяк гуртом бежите, а вещей нужных к счастливой жизни слушать не хотите».

Будучи спрошен, какой зверь таит в себе яд наивреднейший, *Диоген* так ответил: «Если спрашиваете о диких, то это — обманщик, если о домашних — это льстец». Будный комментирует: философ обманщика и льстеца считал ядовитыми гадинами, видя между ними только разницу в одном: обманщик жалит жестоко в бровь, а льстец ласково яд свой в человека впускает, подобно аспиду.

Бион говорил, что высокое мнение о себе является большой препоной для правды. Следует комментарий: обычно бывает, что кто о себе высоко думает, тот к мнению других не прислушивается и учиться ни у кого не желает, полагая, что он уже все постиг. Потому такому человеку исправиться трудно. Наоборот, кто о себе скромно мыслит, тот не надеется только на свой разум, а старается и других слушать да больше запомнить, и так становится достойным и предусмотрительным деятелем.

Феофраст говорил: «Лучше довериться коню строптивому, нежели слову вспыльчивому. Коня мундштуком удержать можно, а слово, когда оно произнесено, уже нельзя возвратить». *Феофраст* же сказал: «Дать власть человеку злому, а меч — бешеному одинаково есть».

Зенон юноше многоречивому так сказал: «Твои уши, видимо, в язык взросли»,— давая этим понять, что молодо-

му человеку пристойнее больше слушать, а меньше говорить. Он же говорил: «Лучше споткнуться ногой, нежели языком».

Горгий из Леонтин, будучи спрошен, как он дожил до такого преклонного возраста (а философу было 107 лет), отвечал: потому достиг этого, что никогда не предавался изнеженности и наслаждениям ни в еде, ни в одежде, ни в иных вещах.

Дмитрий Фалерий Птоломею, царю Египетскому, советовал, чтобы полюбил чтение книг надобных, показывая следующую пользу от этого: то, о чем не смеют королям и князьям их приближенные сказать,— сами увидят частым книг чтением. Будный добавляет: «Книги, как зеркало, хотя ничего не говорят, однако же безопасно каждому человеку порок и скверну его показывают».

Агесилай, будучи уже при смерти, завещал — дабы по его кончине ни единого памятника ему не было поставлено. Если я что значительное за время своей жизни сделал,— сказал он,— то люди и так будут меня помнить. Если же ничего, то хотя бы и премного наставите памятников, не достигнете, чтобы память обо мне была славной, памятники так и останутся только изделиями искусных мастеров.

Перикл, вождь афинский, правитель мудрый и справедливый, каждое утро при одевании привык говорить себе такие слова: помни, Перикле, что ты вольным народом руководишь.

Когда *Александру* (Македонскому) принесли шкатулку, самую драгоценную из тех, что были в сокровищнице царя Дария, и спросили, для чего бы ее использовать, он ответил: «Мое мнение — лучше всего хранить в ней книги Гомеровы». Александр дал понять, что произведения писателей и людей ученых подобает иметь в великой чести.

В повестях о римлянке Лукреции и сиракузянке Химере с большой силой звучит обличение произвола и тирании.

Лукреция, благородная римлянка, будучи предательски обесчещена сыном царя Тарквиния, когда явился муж и спросил ее о здоровье, отвечала: какое может быть здоровье у женщины, если непорочность утрачена? Но тело только обесчещено, душа ж невинной остается, чего свидетелем будет смерть моя. Сказавши это, пронзила свою грудь кинжалом и умерла. Будный комментирует: «Оскорбление Лукреции послужило поводом для изгнания Тарквиния и его сына из Рима, свержения царской власти в Риме и установления правления консулов». Несомненно, что Будный записывал свою повесть о Лукреции из Тита Ливия и Овидия, т. е. из тех же источников, что и Шекспир (поэмой Шекспира он вряд ли еще мог пользоваться). Примечательно сходство этой записи Будного и шекспировского текста.

У *Будного:*

Но тело только обесчещено,
Душа ж невинной остается...
Сказавши это, пронзила грудь свою
Кинжалом...

У *Шекспира:*

Пусть кровь моя грязна от поруганья,
Моя душа безгрешна и светла,
Она подругой тела не была...
С последним словом нож она вонзила
В грудь чистую...

Составителя «Апофегмат» легенда о Лукреции привлекла не только своей драматичностью, но и возможностью прокомментировать ее, выступить против произвола и самовластия. Не ссылаясь на Овидия, он почти буквально при-

водит в своих комментариях фразу его «Месяцеслова»: «так для царей день наступил роковой».

Заканчивается сборник такой повестью:

Химера — сиракузянка, старая женщина в то время, когда все жители Сиракуз проклинали своего жестокого правителя и желали, чтобы он быстрее умер, одна каждое утро просила бога даровать тирану здоровье. Правитель, узнав об этом, спросил ее, почему она так поступает. На это старая сиракузянка ответила: когда я еще была девушкой, Сиракузами правил жестокий тиран. Тогда все просили бога, чтобы он послал ему смерть. Но вот умер этот тиран, а после него к власти пришел еще худший. Когда и тому желали быстрейшей смерти и он умер, его место занял ты, еще более жестокий, чем твои предшественники. Потому-то, опасаясь, что после тебя к власти придет еще худший, чем ты, тиран, я и прошу бога о твоем здоровье. Будный не дает своих комментариев к этой повести. Да они здесь и не нужны.

Я пошел по следам книги, выявлял и записывал в ее биографию новые факты и даты. Сборник белорусского гуманиста вскоре после выхода в свет завоевал большую популярность. Его читали и перечитывали, пользовались им, как и предлагал составитель, «в различных случаях жизни». Он много раз переиздавался. Уже в 1614 г. в белорусском местечке Любча на Немане сборник выпущен третьим и четвертым изданиями. С третьим изданием я ознакомился в библиотеке Академии наук УССР во Львове, с экземпляром четвертого издания — в библиотеке Вильнюсского университета.

Загадкой остается вопрос о том, где вышло второе издание «Апофегмат» Будного. Настойчивые поиски его по книгохранилищам мира пока безуспешны. Допускаю, что в

Вильнюсе же, после того, как первое издание быстро разошлось, Карцан издал «Апофегматы» в начале XVII в. вторично. Это всего вероятнее, так как печатник из Любча Петр Бластус Кмита в предисловии к своим изданиям, датированном 26 апреля 1614 г., писал: «Взял, будучи о том неоднократно прошен некоторыми людьми, те книжечки «Апофегматы», пред тым изданные благородным и ученым человеком Беняшем Будным, и снова с друкарни своей на свет выдал». Слова «пред тым» и «снова» можно рассматривать как свидетельство того, что первые два издания напечатаны в вильнюсской друкарне Карцана. Кмита, ранее работавший в вильнюсской типографии своего тестя Яна Карцана, в Любча не просто перепечатал «Апофегматы», а собрал новые повести и изречения и дополнил ими текст Будного. Об этом можно прочесть также в предисловии к любчанским изданиям. «Выпуская... в свет те книжки,— пишет типограф,— приумноживши числом тех же философов достопримечательных повести и изречения, придавши к ним еще иных несколько, которых первей (т. е. в вильнюсских изданиях — *А. А.*) не было».

Следующая запись в биографию книги: после Любча сборник Будного шесть раз издавался в Кракове в 20-х—30-х гг. XVII в. В XVII в. „Апофегматы" переведены на русский язык. Неоднократно переписывались и в списках ходили по рукам. Несколько таких списков хранится в библиотеках Москвы и Ленинграда. Один список сборника Будного находился в царской библиотеке (тот, что теперь хранится в библиотеке Академии наук СССР). Он попал в свое время в руки Петра Первого, заинтересовал его. Петр «повелел» напечатать «Апофегматы». В 1711 г. в Москве вышло первое печатное издание сборника Будного на русском языке под заглавием: «Кратких, витиеватых и нраво-

учительных повестей Книги три. В них же положены различные вопросы и ответы, жития и поступки, пословицы и беседования различных философов древних. Переведены с польского на славенской язык». Перед сборником Будного открылась широкая дорога в русской литературе. Знаменательно, что он явился третьей книгой, изданной в 1711 г., и пятидесятой по счету, напечатанной недавно введенным в стране гражданским шрифтом.

В 1712 г. сборник вышел в Москве вторично. Теперь он назывался «Апофегмата, то есть кратких, витиеватых и нравоучительных речей Книги три...» В январе 1716 г. появилось третье издание сборника уже в Петербурге. В августе того же года «Апофегматы» вышли снова в Москве. И пятый раз «повелением его величества Петра Великого» «Апофегматы» напечатаны в Петербурге 12 июля 1723 г. тиражом в 1200 экземпляров. На этот раз «Апофегматы» выпущены в трех книгах, а не в четырех, как они были изданы в Вильнюсе и Любча и как ходили в списках после перевода на русский язык. Неизданной оказалась четвертая книга — «Повести жен мудрых». Объяснение может быть только одно: Петру показались очень уж антицаристскими намеки, содержащиеся в ряде повестей четвертой книги, особенно в повести о сиракузянке Химере.

Значительно «смягченной» оказалась и редакция некоторых комментариев Будного, а отдельные особо острые толкования вообще опущены. Так, в издании 1599 г. к повести о Перикле, который перед своей кончиной сказал, что он не помнит кого-либо из афинян, пострадавшего по его вине, следует комментарий Будного: Перикл тем «дает понять, что он не был тираном. Ибо мы знаем, что его благородное сердце с большим усилием перевешивало желание приговорить кого-либо к смерти. А другие, стоящие у власти, мел-

кого рассудка люди, по любой причине быстро присудить готовы не только голову отрубить, но и заживо сжечь человека». В издание 1711 г. и в последующие этот комментарий Будного не вошел.

После Петра в переизданиях «Апофегмат» наступил 20-летний перерыв. Затем снова вспомнили о них и переиздали сборник в Петербурге трижды: в 1745, 1765 и 1781 гг. Все эти издания сходны с петербургским изданием 1716 г., отличаясь от него и друг от друга лишь оформлением титульных листов и орнаментом. На титуле «Апофегмат» 1781 г. указано, что они изданы Академией наук. И еще один, уже девятый раз, сборник Будного напечатан на русском языке «иждивением Никиты Водопьяного» в Москве в 1788 г. в типографии Хр. Клаудия. Это последнее печатное издание вышло под заглавием: «Собрание нравоучительных, кратких и замысловатых речей. В трех частях, в которых помещены также различные вопросы и ответы, жизни и поступки, пословицы и разговоры древних философов, знатных государей и других знаменитых мужей». Сборник читался и зачитывался до полного износа. Об этом свидетельствует небольшое число экземпляров изданий XVIII в., сохранившихся до наших дней, особенно изданий петровского периода. Издание 1711 г. сохранилось лишь в трех экземплярах: в библиотеках Публичной и Академии наук СССР (Ленинград) и в Исторической библиотеке (Москва); издание 1712 г. — всего в двух экземплярах: в библиотеках Публичной и Академии наук (Ленинград).

«Апофегматы» не прекратили своего существования и тогда, когда их перестали издавать. Даже в XVIII в. они продолжали ходить в рукописных списках, сделанных с печатных изданий петровского времени. Образцы таких списков имеются в московских и ленинградских книгохранили-

щах. Выдержки из «Апофегмат» Будного включены в знаменитый «Письмовник» русского просветителя и педагога Н. Г. Курганова и в его составе многократно переиздавались с 1769 по 1837 г.

Следы и влияние «Апофегмат» обнаруживаются и в сатирических журналах XVIII в. Позднее я находил выдержки из них в различных сборниках афоризмов, в том числе выпущенных уже в советское время.

Так протянулась цепочка от книги, изданной в XVI в. до XX в., от эпохи географических открытий до эпохи освоения космоса. На протяжении почти двух с половиной веков книга жила активной жизнью. В различном одеянии являлась она перед читателями — украинцами, белорусами и русскими, литовцами и поляками, и постоянно пользовалась их признанием. Люди черпали из этого сборника белорусского гуманиста не только занятное чтение, но и мудрые наставления к жизни. И если бы сборник занимательных повестей из жизни великих людей античного мира и их мудрых мыслей, составленный Беняшем Будным, издать в хорошем переводе теперь в XX в., он так же, как в XVI, XVII и XVIII в., не залежался бы на прилавках книжных магазинов...

«ОБ ИЗОБРЕТАТЕЛЯХ ВЕЩЕЙ...»

Почти следом за посылкой из Корницкого замка пришла посылка с микрофильмом с берегов Одера, из древнего польского города Вроцлава, из библиотеки Института им. Оссолинских. На сей раз на

пленку снята книга под заглавием «Краткое описание кто что изобрел и для пользования людям дал». Издана в Вильнюсе в 1608 г. Карцаном. По всем собранным данным сохранился только один экземпляр ее. Книга уникальна. Написал ее стихами Ян Протасович по мотивам сочинения итальянского ученого Полидора Урбинского «Об изобретателях вещей». Постарался узнать все, что можно об авторе. Родом из Пинска. Занимал пост городского судьи в столице Литовского княжества. В свободное от служебных обязанностей время, как и Беняш Будный, писал стихи, переводил. Под документами, написанными по-русски, подписывался «Иван Протасович». Сочинения писал на польском языке и подписывал их «Ян Протасович». За переложение сочинения «Об изобретателях вещей» Протасович взялся, имея за плечами солидный писательский стаж. Любознательного судью, видимо, привлекала энциклопедичность этого сочинения. В самом деле, в нем шла речь о возникновении наук, искусств, техники, всякого рода ремесел и общественных норм жизни. Трудно сказать, какое издание книги Полидора попало в руки Протасовича — то ли первое венецианское 1498 г., когда в нем было только три части, целиком посвященные светским делам, то ли одно из изданий XVI в., состоящее из восьми частей (пять последних частей итальянский автор добавил около 1517 г., посвятив их религиозным обычаям и обрядам). Если даже Протасович и имел у себя позднее издание, то он использовал из него лишь первые три части светского характера, оставив без внимания религиозную тематику дополнительных пяти частей.

Дабы ничто не мешало, Протасович уединяется в пинскую лесную глушь и пишет свою новую книгу, как он потом вспоминает в предисловии, «живя в обществе сатиров,

где, кроме хвороста на веник, ничего больше не достанешь». Готовую рукопись предлагает Яну Карцану, у которого он уже издал ранее несколько сочинений. В 1608 г. книга вышла в свет. Типограф по праву поставил на титуле имя Протасовича как автора «Краткого описания кто что изобрел», потому что тот взял от Полидора лишь сюжет и факты, а изложил все по-своему, в оригинальном толковании, со своими комментариями, порой содержащими сатиру на нравы современного ему общества. Приведу несколько выдержек из того, что написано в старинной книге, хранящейся во Вроцлаве:

Анкус-египтянин для печения хлеба
Печи изобрел, они и теперь треба.
Ботом малым лакедемоняне пользоваться почали,
А потом и меньшие челны заимели,
На них сейчас быстро плавают козаки,
А также искусные в этом рыбаки.

Конечно, у Полидора и в помине нет козаков, как нет у него, естественно, и многих иных фактов, взятых Протасовичем из белорусской, русской и украинской действительности.

Говорится здесь и о начале «звездарской науки», т. е. астрономии, и о полете Икара «быстрее ветра». Последнее сообщение, пусть о событии мифического характера, напечатанное почти 400 лет назад, было приятно прочесть в дни беспримерных по продолжительности полетов советских космонавтов.

Я увидел в книге Протасовича первое упоминание имени Гутенберга в печати нашей страны.

Печатать книги немец Гутенберг неякий
Начал в Могунции *, за что человек всякий
Обязан имя его помнить, читая,
Ведь благодаря ему книг много имеем.

* Старое название города Майнца в Германии.

По-своему преподносит читателю Протасович факты изобретения денег и введения поборов.

Деньги египтяне изобрели ковать,
А люди стали их скрывать.
Подати Дарий ввел и поборы,
Желая иметь достаток спорый.
Потому, просим вас, ни кого иного ругайте,
А лучше всего тот вымысел проклинайте.

Даже факт открытия парикмахерских и обыкновение отпускать пышные бороды послужил предлогом для комментария отнюдь не бытового характера.

Сенатор знатен не по бороде,
А по депутатской мудрости и умной речи...
Имеет и козел длинную бороду...
Так и рыцарь каждый не с тела великости
Бывает познан, а по воинской доблести.

Рассказав о начале употребления вина, автор поэмы ополчается против непомерного поклонения Бахусу, против любителей пить, «пока шеей ворочать могут», пишет о том, как пьянство «может разум отнять и человека в бестию никчемную превратить».

Выпуском 1608 г. и ограничивается судьба произведения Протасовича. Мне не удалось найти следов его переиздания, не нашел я и других примеров стихотворного переложения сочинения «Об изобретателях вещей». Видимо, пальма первенства в этом отношении принадлежит уроженцу Пинска Протасовичу. Ему же принадлежит заслуга составления первой своеобразной энциклопедии в нашей стране.

Пройдет сто лет, и сочинением Вергилия Урбинского заинтересуется Петр Первый и повелит издать его на русском языке. И однажды во время придворного бала Петр спросит сенатора И. А. Мусина-Пушкина:

— Почему по сю пору не переведена книга Виргилия Урбина о начале всяких изобретений? Книга небольшая, а так мешкаете?

Сенатору, наблюдавшему за изданием книг, надо полагать пришлось изрядно покраснеть от неожиданного вопроса и царского упрека. И пришлось поторопить переводчика, а потом наборщиков и печатника. Минуло еще какое-то время, и на прилавках Москвы и Санкт-Петербурга в мае 1720 г. появилась книга «О изобретателях вещей».

60 лет спустя, в 1782 г., сочинение «О первых изобретателях всех вещей», выпустит Н. И. Новиков.

Хотя петровское и новиковское издания непосредственно не связаны с книгой Протасовича, я все-таки счел нужным привести эти факты: они как нельзя лучше свидетельствуют о связи времен и читательских интересов.

АЛМАЗЫ ДРЕВНЕЙ РЕЧИ

Думаю, не погрешу против истины, если скажу: человек, рассматривающий древнюю рукопись или читающий старинную книгу, бывает не менее чем искатель золота или алмазов изумлен, когда вдруг уви-

дит в них какое-то особенное по своему значению слово, проницательную мысль старого автора, в новом свете озаряющее события и явления своей эпохи, скрытые от нашего взора столетиями, а то и тысячелетием.

Многие наши старопечатные книги являются по своему характеру церковно-служебными. Но среди религиозного текста в них зачастую рассеяны комментарии и замечания переводчиков и печатников, основному тексту предпосланы предисловия или же помещены послесловия — они-то и представляют интерес для исследователя, так как сообщают чрезвычайно важные факты, оригинальные суждения о событиях, доносят до нас колорит отдаленной эпохи, убедительно и достоверно рисуют личность автора.

Когда я читал «предмовы» и «сказания» «доктора лекарских наук из Полоцка-града» — Франциска Скорины в его пражских (1517—1519) и вильнюсских (1522—1525) изданиях, то первое, что запечатлелось в моем сознании, как, видимо, и у каждого, кому посчастливилось держать в руках эти книги, — это страстно выраженная автором безграничная любовь к своей Родине-матери, к своему народу. Всюду Скорина с гордостью подчеркивал кровную связь с Отчизной: «С Полоцка-града», «Из славного града Полоцка», «Аз... нароженый в русском языку» (т. е. — я, рожденный в русском языке, русским — *А. А.)*.

Образно, вдохновенно говорит Скорина о великом чувстве любви к Родине в предисловии к книге «Юдифь», изданной в Праге Чешской в 1519 г.: «Поскольку от рождения звери, обитающие в пустыне, знают ямы свои, птицы, летающие по воздуху, ведают гнезда свои, рыбы, плавающие в море и реках, чуют виры свои, пчелы и им подобные обороняют ульи свои, также и люди, где родились и вскормлены суть, — к тому месту великую любовь имеют».

Не менее изумительные строки прочел я позднее у литовского писателя Микалоюса Даукши в предисловии к книге «Постилла» 1599 г.

«Каждый человек от самого рождения своего, с молоком матери впитывает любовь к родному языку. Это — закон природы. Что бы за диво было между зверями, если бы ворона захотела петь по-соловьиному, соловей каркать по-вороньему, козел рычать по-львиному, а лев верещать по-козлиному. Погибли бы присущие каждому животному свойства, прекратилось бы само существование животного мира».

Так и с людьми.

«Не плодородием нив, не различием одежды, не природной красотой страны, не крепостью городов и замков процветают народы, а больше всего тем, что берегут и употребляют свой язык, который сплачивает общество, крепит дружбу и братство. Язык — это узы всеобщей любви, мать единства, отец общества, страж государства. Упразднить язык — значит упразднить согласие, союз и всеобщее благо. Упразднить язык — все равно, что погасить солнце, нарушить мировой порядок, лишить мир жизни славы». «Все это, замечает Даукша, я не с тем умыслом говорю, чтобы только для того, чтобы убедительнее показать значение порицать знание и изучение языков других народов, но для каждого народа родного языка». Даукша подтвердил это собственным примером. Он знал многие языки и свое послесловие в книге, являющееся вдохновенным гимном родному языку, написал по-польски.

Я с наслаждением читал образные «предмовы» Федорова и Мстиславца, братьев Зизаниев Стефана и Лаврентия, Карповича и Смотрицкого, остроумные поэтические комментарии пинского шляхтича и вильнюсского городского

судьи Протасовича, оригинальные суждения Беняша Будного.

«Дела и подвиги стойких и мужественных людей светятся, как звезды небесные на века», — читал я в «Казанье» (Сказании — *А. А.*) Стефана Зизания 1596 г. «Жаждущие узреть дневной свет — с удовольствием смотрят на зарю», — в книге Леонтия Карповича «Казанье двое» 1615 г. В одной из книг 1622 г., прочтенных мною во Львове, встретились строки:

Лети, птаха, за Дунай,
Скажи бусурманам:
— Мы не забудем своего героя,
Подвиги его и раны.

Они напомнили известное место из «Плача Ярославны» в «Слове о полку Игореве».

Полечу кукушкою по Дунаю,
Омочу бобровый рукав
в Каяле-реке,
Утру князю кровавые его раны
На могучем его теле.

Вильнюсский автор Якуб Газиуш знал «Слово о полку Игореве» и в «Казанье», посвященном Николаю Зеновичу, павшему в бою с турками, рассказывая о подвигах своего героя, пользовался образами бессмертного древнерусского эпоса.

Каждая старинная книга, которую удается прочесть, дарит нам радость постижения красоты древней славянской речи.

ЯЗЫКОМ ГОМЕРА И ОВИДИЯ

Интерес к античной литературе в нашей стране возник очень давно. Еще в XI в. с греческого языка на русский была переведена «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, в XI—XII вв. переведена повесть об Александре Македонском — «Александрия». В начале XIII в. на Руси появляются рукописные сборники «Пчела», в которых помещались не только выдержки из одобренных церковью книг, но и изречения античных мыслителей — Сократа, Аристотеля, Диогена, Пифагора, Эпикура и других. К тому же периоду относится появление рукописного сборника «Менандр мудрый», содержащего афоризмы на бытовые темы из произведений древнегреческого писателя Менандра. В кремлевской библиотеке московских царей Ивана III, Василия III и Ивана IV находились, как показывают документы, сочинения античных писателей — Полибия, Аристофана, Пиндара, Тацита, Вергилия, Цицерона...

В первопечатных книгах эта традиция также находит свое выражение. Образами античной литературы, ссылками на нее насыщены «Предмовы» к книгам, в том числе теологического характера, комментарии к текстам духовного содержания. Читая старопечатные книги, можно наблюдать, как некоторые авторы того времени использовали аргументы из античной литературы для борьбы против мракобесия. В львовской библиотеке Академии наук УССР я смотрел «Книгу нескольких песен», изданную в Вильнюсе в 1573 г. на латыни. Посвящена она событиям 1572 г. во Франции.

Авторы «песен» разоблачают преступления инициаторов Варфоломеевской ночи, массовых убийств гугенотов.

Сборник начинается изречениями древнеримских писателей. «Нападение из-за угла считается доблестью», — приводятся слова Овидия. «Благоденствующее и счастливое преступление называется добродетелью, честные люди повинуются преступным. Право за оружием, законы попирает страх», — гласит цитата из сочинения Сенеки. После эпиграфов излагаются конкретные факты злодеяний, совершенных тогда во Франции.

А вот «Предмова» не из светской, а из церковно-служебной книги «Полуустав» 1622 г. Ее авторы, вильнюсские братчики, рассуждая о хорошей и плохой славе и призывая своих единомышленников к стойкости и мужеству в борьбе с королевско-католической властью, ссылаются на высказывания Аристотеля, Сократа, Овидия, Сенеки и Цицерона, известность которых, по их словам, распространилась «до Кавказа». Но есть и иная слава, отмечают авторы «Предмовы», — слава Нерона и Герострата, что «храм Дианы в Эфесе поджег, лишь бы память по себе оставить». Тогдашнему читателю намек был ясен: польские магнаты и церковь, пытаясь навязать католичество белорусско-украинскому населению, уподобляются Нерону и Герострату.

Пропаганда античной литературы шла и в виде отдельных изданий сочинений греко-римских авторов. Многократно выпускаются сочинения Цицерона: «Об обязанностях» — в белорусском местечке Лоске в 1576 г., а затем в Вильнюсе в 1583, 1593 и 1606 гг., «О старости» — в Вильнюсе в 1595, 1603 и 1606 гг., «О дружбе» — в Вильнюсе же в 1603 и 1606 гг. Настоящее увлечение Цицероном! Но оно было несколько иным, чем, скажем, у великого итальянца Франческо Петрарки. Если Петрарку привлекали в Цицероне

красота и образность его слова, то белорусских переводчиков (того же Беняша Будного) и издателей — прежде всего гражданский смысл речей Цицерона.

Языком Гесиода и Овидия местные авторы XVI — начала XVII в. обличали пороки и противоречия феодального и нарождающегося буржуазного общества. В 1603 г. из типографии Карцана, особенно ярко популяризирующей античных авторов, вышла на польском языке поэма Яна Козаковича «Орех волошский» — вольное переложение приписываемого Овидию произведения «Орешник». Содержание поэмы: стоящее при дороге ореховое дерево жалуется на то, что каждый, кому не лень, сбивает с него палками и камнями не только орехи, часто еще недозрелые, но и листья, ломает ветви, уродует ствол. В судьбе орехового дерева нетрудно угадать судьбу простых людей, создающих все блага жизни, но испытывающих жестокое угнетение со стороны феодальной знати. Герой поэмы грустит по «золотому веку», когда деревья росли привольно, сады бурно цвели, и плодов «полно везде было», мечтает о том, что вернется еще эта счастливая пора, и деревья «на почве особой» будут расти в безопасности.

Мечту о наступлении «золотого века» я прочел и во второй книге, изданной в 1608 г. в анонимной вильнюсской типографии. «Толкование богинь славянских» — так называется это сочинение некоего Мартина Пашковского.

Поводом для написания книги, как сказано на титуле, послужило «веслое видение солнца с Панной в золотом окружении 30 мая 1608 года». «Видение», надо полагать, представляло собой метеор, пролетевший над городом, а наблюдавшие полет «дорисовали» картину необычного явления, представив его в виде «Панны в золотом окружении». Автор книги меньше всего говорит о полете небесного тела.

Это послужило ему только предлогом для того, чтобы познакомить читателя с легендой о четырех веках и подвергнуть критике современное общество, когда «стыд святой шею сломал, правды не стало», водворилась страсть к наживе, погоня за «золотом проклятым», «различные напасти обуревают людей», «крови разлияние великое, плач и стоны людей повсюду». В книге звучит мечта о возвращении «золотого века», о мире и благоденствии людей, чтобы жили все согласно, без ссор и раздоров, сообща пользовались дарами природы, которых вполне достаточно на земле. Дважды снимали тогда (в легендарный «золотой век» — *А. А.*) урожай с виноградников, садов и нив, а овец своих пастырь в хлев не закрывал.

Открываю поэму Гесиода «Труды и дни», читаю:

Жили те люди как боги, с спокойной
и ясной душою,
Горя не зная... Недостаток
Был им ни в чем неизвестен. Большой
урожай и обильный
Сами давали собой хлебодарные земли.
Они же,
Сколько хотелось, трудились, спокойно
сбирая богатства, —
Стад обладатели многих...

Я не держал в своих руках замечательные книги Козаковича и Пашковского. Каждая из них дошла до наших дней в одном экземпляре, и хранятся они: первая — в Корницкой, а вторая — в Краковской библиотеках Польской Академии наук. Мне прислали оттуда микрофильмы уникальных изданий, и я получил возможность смотреть и читать их в Крыму, вдали от Корницкого и Вавельского замков.

В ЗАЩИТУ ДАЛЕКИХ «ИНДОВ»

Открытие Америки Колумбом произошло в 1492 г., и вскоре о нем стало известно не только в Испании, но и в других странах Европы. Узнали об этом и на Руси.

Первые же письменные сообщения о Новом Свете на русском языке относятся примерно к 1530 г. Они содержатся в одной из рукописей Максима Грека, приехавшего в Москву по приглашению великого князя Василия III для перевода церковных книг. «Нынешние же португальцы и испанцы, — писал Максим Грек, — недавно, лет 40 или 50 тому назад... начали переплывать океан на больших кораблях и открыли множество островов, из коих некоторые обитаемы людьми, а другие необитаемы; и землю Кубы, настолько великую, что даже обитатели ее не знают, где она кончается... Ныне там открылся новый мир и новое собрание человеческое».

С конца XVI в. сообщения об Америке все чаще появляются в книгах, особенно в полемической литературе, которая получила широкое развитие на западе нашей страны в связи с попыткой воссоединения православной и католической церквей. Сторонники унии и ее противники приводили в печати различные аргументы, ссылались на конкретные факты. Тут-то и был в числе других использован факт открытия Америки и «обращения» ее коренного населения в христианство. При этом католические и униатские писатели приводили его как показатель роста влияния католической

церкви, а противники католицизма и унии разоблачали методы «христианизации», осуществляемой Ватиканом.

Перелистаем страницы некоторых книг, напечатанных в нашей стране в XVI—XVII вв. Вот сочинения Станислава Гродзицкого «Об исправлении календаря». Оно вышло в Вильнюсе дважды в 1587 г. и третьим изданием — в 1589 г. Автор заявляет, что в то время, когда православие зашло в тупик, и сами руководители Восточной церкви — константинопольские патриархи — после захвата Константинополя турками оказались в плену у неверных, «вера костела Римского ширится в Индиях, Бразилии, Японии, Китае, Перу и в других краях». Вторично факт обращения «индийчиков» в католицизм приведен Петром Скаргой в книге «Описание и оборона собору русского Берестейского (Брестского — *А. А.*), напечатанной на русском языке в 1597 г. По мысли иезуитских авторов, такие сообщения должны были убеждать читателя в необходимости унии.

Противники католицизма и унии не остались в долгу. Изданные в Вильнюсе и Остроге книги Андрея Волана, Стефана Зизания, Христофора Бронского, Мелетия Смотрицкого на многочисленных фактах и примерах убедительно обличали преступные действия «римских рыболовов», которые всюду пытаются раскидывать свои сети, огнем и мечом расправляются с инакомыслящими.

Наиболее обстоятельно о методах «освоения» Нового Света сказано в сочинении Юстия Липса «О постоянстве. Книг двое». Его перевел на польский в 1599 г. Я. Пиотрович, а напечатал в 1600 г. Карцан. Из этой книги тогдашний читатель узнал:

«Небольшое число иберов (испанцев — *А. А.*) высадилось в новых краях, а какие горы трупов они наложили здесь? Какие напасти и разрушения принесли? 20—30 сол-

дат валили невооруженных аборигенов, как траву косили. Где же ты теперь, наибольший остров Куба? ты Гаити? ты Юкатан? Которые до этого имели стотысячное население, а теперь в некоторых районах едва 15 для размножения осталось» (буквально — «на семя» — *А. А.*). Такая же участь, продолжает автор, постигла Перу и Мексику. Все эти некогда богатые и густонаселенные земли теперь опустошены, словно бы «от какого небесного огня сгорели».

Несколько позднее о том же говорится в сочинении известного киевского ученого Захария Копыстенского «Палинодия». Оно написано около 1621 г. как отповедь на книгу униата Льва Кревзы «Оборона единения церквей», изданную в 1617 г. Копыстенский цитирует авторитетные источники и приводит убедительные факты, обличающие Ватикан. Он рассказывает о таком случае: на Тридентском соборе французские представители спросили испанских, почему «неслушне и нехристиански король гишпанский индов берет», войска посылает против безоружных островитян. Отвечало на это испанское духовенство, что «король гишпанский з милости христианской хочет индийчиков навернути и посылает казнодеи до них, которих же бы они не побили посылает при них войска, и не чинит гвалту индом, одно казнодеев своих боронит, абы индове не побили. Разсмеялися все на тую отповедь гишпанскую, а болш о том мовити заказано...» * В дальнейшем Копыстенский раскрывает истинную причину экспедиций «гишпанцев» за океан и сравнивает действия испанских колонизаторов с действиями шляхетско-католических властей и униатов на Украине и в Белоруссии, заявляя по этому поводу: «если в Индии шука-

* Неслушне — несправедливо; казнодей — проповедник; гвалт — насилие, жестокость; заказано — запрещено.

ет гишпан золота, а в владыцтвах Русских шукают унитовѐ гроший, нехай же той фарбы набоженства занехают», т. е. пусть тогда оставят лживую маску благочестия...

Небезынтересно отметить, что это место из сочинения киевского автора XVII в. совпадает с позднейшей характеристикой, которую дал испано-португальским колонизаторам Ф. Энгельс в своем произведении «Крестьянская война в Германии». «**Золото** искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем Дальнем Востоке; **золото** было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан...; **золото** — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег».

Остается неясным, почему сочинение Копыстенского, подготовленное к печати, не было опубликовано. Оно дошло до нас только в рукописи, хранящейся в Киеве в Публичной библиотеке УССР.

ВСТРЕЧА С ЭРАЗМОМ ИЗ РОТТЕРДАМА

Франческо Петрарка и Джованни Боккаччо, Томас Мор и Эразм Роттердамский! Их имена появились в наших старопечатных книгах как имена соратников в борьбе против реакции и мракобесия.

Ссылку на письма Петрарки находим в напечатанной в 1598 г. в Остроге полемической брошюре «Отпис на лист...

Ипатия, Володимирского и Берестейского епископа» (т. е. «Ответ на письмо» униата Ипатия Потея — *А. А.*). Автор «Ответа», скрывшийся за псевдонимом «Острожский клирик», процитировал высказывания «славного писателя итальянского», обличающие «своеволие и злости» верховодов католической церкви. Вторично письма Петрарки цитируются во «Фриносе» Мелетия Смотрицкого, где полностью опубликован и сонет Петрарки «Папскому двору в Риме».

Киевлянин Захарий Копыстенский ссылается на сочинение Бокациуса «О славных невестах» (т. е. Боккаччо «О знаменитых женах» — *А. А.*), в котором приведен случай, когда папский престол занимала женщина — папесса Иоанна.

Имя автора «Утопии» Томаса Мора совершенно неожиданно встретилось в сочинении католического полемиста М. Лаща «Юдикум или рассадок», напечатанном Даниелем Ленчицким в 1594 г. Лащ сообщает о последних событиях в Англии, в том числе о казни «знаменитого ...Моруса канцлера английского только за то, что он женитьбы незаконной короля не одобрил».

Конечно, автор «Юдикума» весьма примитивно объяснил причину казни Томаса Мора. На самом деле правители Англии расправились с выдающимся мыслителем-гуманистом за его свободомыслие и обличение социальных и политических порядков, царивших в стране. Обвинение Генриха VIII в «незаконной» женитьбе и расхождение с ним по религиозным вопросам явилось лишь внешним поводом для казни автора «Утопии».

Чаще всего в книгах XVI—XVII вв. упоминается имя друга и соратника Томаса Мора «Эразма Дезидерия из Роттердама», автора знаменитого памфлета «Похвала глупости». В том же «Фриносе» Мелетий Смотрицкий приво-

дит высказывание Эразма Роттердамского и называет его «великим философом». Часто цитирует Эразма в своих произведениях писатель-полемист Андрей Волан. Его книга «Виленские идолопоклонники лойолиты», напечатанная в 1583 г., явно навеяна сочинениями нидерландского гуманиста. Волан сообщает о прибытии «сынов Лойолы» (иезуитов) в Литву, о стычках с ними, разоблачает их коварные приемы, выступает против суеверия, культа святых, называя все это идолопоклонством. Значительная часть книги Волана по сути является изложением сороковой и сорок первой глав эразмовской «Похвалы глупости».

В свою очередь, иезуиты не упускали случая, чтобы «обличить» Эразма. Антоний Поссевин в трактате «Атеизм Лютера, Меланхтона... и прочих еретиков», изданном в 1586 г., ополчается против «доктрины» Эразма.

Сочинения Эразма Роттердамского издавались у нас. В 1585 г. из типографии Яна Карцана вышло в свет одно из популярных в то время сочинений нидерландского гуманиста «Воин Христов». Оно напечатано на польском языке под заголовком «Рыцарство христианское». До наших дней дошло всего два экземпляра карцановского издания: один находится в Вильнюсе в Библиотеке Академии наук Литовской ССР, второй — в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Потом, уже в XVIII в., это сочинение Эразма было напечатано в Москве на русском языке дважды в 1783 г.

В отделе редкой книги Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина я имел возможность одновременно читать вильнюсское издание 1585 г. на польском языке и московское — 1783 г. — на русском. Последнее в переводе М. Завьялова с латинского текста издано «иждивением Н. Новикова и компании». Некоторое время спустя в Ле-

нинградской Публичной библиотеке я прочел другое московское издание в переводе Я. Евдокимова, напечатанное «иждивением университетского переплетчика Никиты Дмитриева». На первый взгляд, оно посвящено христианской морали. Но если вчитаться и вдуматься в содержание, то без труда рассмотришь, что «Воин Христов» Эразма небезуспешно воюет против этой самой морали, против религиозных заблуждений. Вопреки церковной догме, автор книги усиленно рекомендует читать сочинения языческих авторов, античных стихотворцев и философов. «Много в них полезного найдешь для честного жития». Читая античных авторов, «ты самое лучшее из языческих книг выбрал и, как пчела, всех древних сады облетевши, почерпнул спасительные оттуда соки». Несколько разделов сочинения отведено обличению культа святых, почитания икон, обыкновению выбирать «угодников божьих» на любой случай жизни: «для защиты от воров, от огня, для исцеления зубов, для успеха в торговых делах» и т. п. «Суеверие — общая зараза христианства» — следует вывод.

Самое примечательное в московских изданиях XVIII в. то, что переводчики не только сохранили наиболее острые места, направленные против мракобесия и суеверия, но и дополнили произведение «славного Эразма Ротеродама» местными фактами, сделав его таким образом еще более злободневным. Прежде всего это относится к новиковскому изданию. «Думаю я, — говорится в нем от лица Эразма, — что многие весьма в том уверены, что пением молебнов, раздачей нескольких полушек, и раз или два сходивши в Киев, они греховные долги свои платят, однакож они в том чрезмерно обманываются».

О паломничестве в Киев для поклонения мощам печерских угодников сказано еще в одном месте. Конечно, сам

Эразм Роттердамский не мог приводить примеры о паломничестве в Киев. Это «додаток» московских переводчиков. Тут же, в новиковском издании, сказано по адресу монашества: «Многие весьма за велико и свято почитают, чтобы постригшись монахом умереть, а я тебя уверяю, что ряса черная и мантия ничего тебе не пособят, ежели нравы твои чернее будут оных». Второй переводчик Я. Евдокимов несколько сглаживает отдельные выражения. Вместо Киева он называет в одном месте Царьград, в другом говорит о «путешествии по святым местам».

Сличение вильнюсского и московских изданий «Воина Христова» с памфлетом «Похвала глупости» показывает, что переводчики включили в него целые главы из памфлета («Суеверы», «Богословы», «Иноки и монахи»). Невольно напрашивается мысль: не послужила ли упомянутая «вольность» в изложении сочинения нидерландского гуманиста, как и сам факт издания книги Эразма, поводом для Екатерины II для обвинения Н. И. Новикова и заточения его в Шлиссельбургскую крепость? В 1785 г. императрица предлагает архиепископу Платону просмотреть, что за книги издает Новиков, и установить, «не скрывается ли в них умствований, не сходных с простыми и чистыми правилами веры нашей православной и гражданской должности».

Надо полагать, что сочинения Эразма, как и других вольномыслящих авторов, и сочинения самого Новикова, были найдены «не сходными с правилами веры православной» и с покорностью престолу.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ПЕРИОДИКИ

Обычно, когда говорят об истории газет и журналов, то выводят родословную периодики от рукописных известий, вестовых писем и «курантов», совершенно игнорируя старопечатные книги. Это несправедливо. Несправедливо потому, что в старопечатных книгах содержатся зачатки газетно-журнальных известий, информации и публицистики. Книги имели неоспоримое преимущество перед рукописными известиями: рукописные «куранты» могли распространяться лишь в очень ограниченном числе экземпляров, тогда как печатные книги XVI—XVII вв. выпускались тиражами в несколько сот, а то и свыше тысячи экземпляров каждая.

Информация в старопечатных книгах прежде всего заключалась в предисловиях и послесловиях, а также в посвящениях и в комментариях печатников и переводчиков. «Повелением благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича... начаша изыскивати мастерства печатных книг... благоверный же царь повеле устроити дом... идеже печатному делу строитися...» «Повелением его величества московские школы умножаются, и 45 человек слушают философию и уже диалектику окончили». Первое известие взято из послесловия к московскому «Апостолу» 1564 г., второе — из первой на Руси печатной газеты «Ведомости» за 1703 г. Сходство, как видим, налицо.

Событийный характер носят всякого рода панегирики, прославляющие тех или иных вельмож, и «Казанья» при погребении знатных людей. Большая группа таких изданий находится в библиотеках Львова, Киева, Одессы. «Ка-

занья», произнесенные при погребении, а затем опубликованные, представляют собой те же некрологи, какие и теперь помещаются в газетах и журналах. Только в старопечатных брошюрах-некрологах более пространно и публицистично дана нравоучительная часть. Биография умершего зачастую дана на широком историческом фоне.

Характерна в этой связи брошюра, изданная в Киеве в 1622 г. под заглавием «Верше на жалосный погреб Зацного Рыцера Петра Конашевича Сагайдачного». В этом стихотворном сборнике ректора Киевской братской школы Касиана Саковича довольно живо и ярко рассказано о славном войске Запорожском и его гетмане Сагайдачном, о битвах и победах, одержанных казаками, подробно сообщено о штурме ими черноморской крепости Кафа *, уничтожении 14 тысяч турок, о потоплении кораблей неприятельского флота, об освобождении из турецкой неволи многих соотечественников. Брошюра иллюстрирована тремя гравюрами: на одной дан герб войска Запорожского, на другой — портрет Сагайдачного, а на третьей — картина штурма Кафы казаками со стороны моря. Все как в нынешнем иллюстрированном журнале.

Однажды Вильнюс чуть было не превратился в арену военного столкновения между вооруженными отрядами двух феодалов — Радвилла и Ходкевича. Причиной распри послужила... свадьба. Сын Радвилла женился на племяннице Ходкевича княжне Слуцкой Софье Олелькович. Стороны не сошлись в определении размеров приданого и схватились за оружие: Радвилл ввел в город четыре тысячи конников и две тысячи пехотинцев. Ходкевич — тысячу шестьсот конников и шестьсот пехотинцев при двадцати че-

* Нынешняя Феодосия.

тырех оружиях. Так, по словам современников, Вильнюс в феврале 1600 г. «подобно Трое, воевавшей за Елену, увидел на своих улицах большое число воинов и оружия, готовых к сражению за Софию». В конце концов договоренность была достигнута и угроза вооруженного столкновения миновала. Все это мы узнаем из 12-страничной брошюры Андрея Волана, напечатанной в Вильнюсе в 1600 г.

Насыщена злободневной информацией и полемическая литература. Провозглашенную Брестским собором 1596 г. унию православной и католической церквей пришлось насаждать и административным путем, и идеологическими средствами. И вот в том же 1596 г. выходит брошюра «Справедливое описание» Брестского собора, составленная сторонниками унии, а в следующем году — брошюра иезуита Петра Скарги о том же.

Противники унии ответили на эти брошюры выпуском в октябре 1597 г. в Вильнюсе на польском языке, а в 1598 г. в Остроге на русском книги «Апокрисис албо отповедь на книжки о соборе берестейском». На титуле книги указано «спешно издана». Написан «Апокрисис» в стиле боевой, остроумной публицистики, насыщен фактами и примерами из жизни. Есть в нем строки и о начинающейся на Украине и в Белоруссии «внутренней войне».

Полемическая буря, поднятая провозглашением унии на Брестском соборе, бушевала около 30 лет, то стихая, то вновь яростно вспыхивая в новых брошюрах и книгах. В 1608—1609 гг. в Вильнюсе происходят открытые выступления белорусских горожан — противников унии; на одного из инициаторов унии митрополита Ипатия Потея совершается покушение. Этим событиям посвящено специальное униатское издание под заглавием «Реляция» (т. е. сообщение, донесение. — *А. А.*) Напомню, что «реляциями» назы-

вались рукописные листки с новостями, предшественники печатной газеты. (Одно любопытное сопоставление: вильнюсская «Реляция» о событиях в этом городе вышла из печати в 1609 г., одновременно с началом выпуска первой еженедельной печатной газеты в Страсбурге под названием «Релятио».) Вильнюсская «Реляция» сообщала о накаленной обстановке в столице Литвы, приводила конкретные факты выступлений «бунтовщиков виленских», называла фамилии, даты. В экземпляре «Реляции», хранящемся в отделе «Россика» Ленинградской Публичной библиотеки, я читал, о том, как Вильнюсское братство противилось решениям сейма, указам короля, как устраивались тайные сходки противников унии. Выступления горожан сравниваются с казацко-крестьянским восстанием под руководством Северина Наливайко, братство именуется наливайковским. Приведу несколько заметок из «Реляции»:

«Дня 10 декабря (1608 г.) сходка тайная собралась ночью в дому одного мещанина виленского, на которой было решено митрополиту противиться, Рутского из Троицкого монастыря изгнать».

«Бурмистры лавицы русской — Иван Тупека и Исаак Кононович, поддерживаемые братчиками, получив указ короля, подержали его в руках, а потом без всякого уважения к документу стали его бросать по столу. Ответ на указ откладывали со дня на день, по-своему комментировали королевское распоряжение, всячески поносили короля и так народ возбудили, что когда рада собралась для составления ответа на указ, к зданию ратуши пришла толпа горожан, выломала двери, шумела и кричала, требовала не подчиняться митрополиту».

«Некоего Порошко с того братства виленского — бунтовщика высылали на границу Московску с жалобой и кле-

ветой, якобы польский король чинит произвол, насилует совесть и религиозные убеждения русского населения».

«11 августа (1609 г.), когда митрополит до дому своего от епископа Виленского возвращался, у рынка, перед самой ратушей, среди бела дня, гайдук один ударил владыку саблей по шее. Но митрополит в этот момент защитил себя левой рукой и удар пришелся по ней, в результате у владыки два пальца были отрублены, а другие два поранены. Целым остался лишь большой палец. Гайдука схватили, пытали, спрашивая, по своей ли воли он то чинил, или был кем подослан. Однако он того не сказал». Согласитесь, что это — газетного типа сообщения. А ими заполнена вся «Реляция».

Во Львовской библиотеке АН УССР хранится брошюра 1622 г. «О турецкой и инфляндских войнах Яна Ходкевича». В ней рассказано об одержанных в этих кампаниях победах, о героизме и отваге запорожских казаков — участников битвы за Днестр, о том «как на козацкие валы устроивши штурм не малый, турки трупами плац устлали...» Три тысячи турок пало в схватке, остальные «через трупы горячие от козаков бежали». Брошюра иллюстрирована портретом Ходкевича и гравюрой, изображающей воинов перед крепостью.

В 1610 г. вышла брошюра с сообщением о пожаре в Вильнюсе — «Тренодия или жалостное пение о сгорении Вильны». Сужу о ней по микрофильму, полученному из библиотеки Варшавского университета, где хранится единственный экземпляр этого издания.

Следующей брошюрой газетно-журнального типа, изданной в Вильнюсе в 1610 г., была «Церемония и порядок коронования Марии Медичи», французской королевы. В ней содержится несколько информационных сообщений о том,

что произошло в Париже в мае 1610 г. — о въезде Генриха IV в столицу и короновании королевы, убийстве короля, задержании и допросе убийцы, о пытках и казни его со всеми натуралистическими подробностями. «Рука, которой убил — свечами палена, в пораненное при пытке тело олово расплавленное лили. Потом тело убицы, коньми четырьмя разодравши, сожгли и пепел по ветру развеяли». Кончается брошюра обращением составителя Б. Юдицкого к читателям: «Вот вы и имеете краткое описание всех важнейших событий, которые в те три дня... в Париже произошли. А об остальном будет написано в исторической хронике». Как и ряд других уникальных изданий, брошюра Юдицкого находится в Корницком замке.

Встречались и старопечатные сатирические издания на злобу дня: о них можно говорить как о предшественниках сатирических журналов.

В 1611 и 1612 гг. в Вильнюсе была дважды издана брошюра под заглавием «Синод министров еретицких». Синод (собор — *А. А.*) состоялся в связи со смертью старого и выборами нового лидера местных протестантов. Авторы брошюры — иезуиты — написали ее в форме ядовитой пародии на собор иноверцев, с эпиграммами и сатирическими песенками. Около 1623 г. выходит сатирическая «Реляция» о другом соборе протестантов. В ней высмеян проповедник Бурхард, который «14 октября, в субботу, после поучения своих милых сестер и братьев за курами на чердак полез, с лестницы упал и шею себе счастливо сломал». По сему поводу «пишется письмо» в пекло самому Мартину Лютеру. Брошюра иллюстрирована двумя карикатурами на протестанских руководителей.

ЗАГАДКА ТИТУЛЬНОГО ЛИСТА

Выдающийся для своего времени учебник — «Грамматику Славенскую» создал украинский ученый Мелетий Смотрицкий. Учебник неоднократно переиздавался в XVII и XVIII вв. Он пользовался большой популярностью не только в России, но и в Болгарии и Сербии. Некоторые правила, определения и термины, разработанные Смотрицким, вошли в современное учение о русском языке. На «Грамматику» Смотрицкого и в наши дни ссылаются филологи.

Но когда и где впервые издал Смотрицкий свою «Грамматику»?

Не только в дореволюционной литературе, но и в наше время вы встретитесь с самыми различными суждениями на сей счет. Одни авторы говорят: «Грамматика» Смотрицкого вышла в свет в 1618 г., вторые — в 1619 г., третьи — в том и другом годах, т. е. дважды. То же и о месте издания — называют Вильно, Евью.

Как возникла такая разноголосица?

В некоторых дошедших до нашего времени экземплярах учебника Смотрицкого — два титульных листа: один с датой 1618, другой — 1619; на одном титуле указано место печати — «в Евю», на другом нет. Видимо, на этом основании, дополненном предположениями, наш почтенный книговед XIX в. Вукол Ундольский в «Очерке славянорусской библиографии» (Москва; 1871) записал: «Грамматика» Смотрицкого издавалась в Евье в 1618 и 1619 гг. и в Вильне в

1619 и 1629 гг., то есть четырежды. После Ундольского в литературе встречались всякого рода предположения и утверждения о времени и месте печати «Грамматики» Смотрицкого.

Где же все-таки истина?

Обратимся к самой «Грамматике», к ее первопечатным изданиям. Самым внимательным образом изучены несколько экземпляров «Грамматики», находящихся в библиотеках Ленинграда и Вильнюса.

В экземпляре научной библиотеки Вильнюсского университета — два титульных листа. Вначале — титул с датой 1619 г. На обороте титула — герб владельца местечка Евьи, члена Вильнюсского братства Богдана Огинского. Далее на трех листах — обращение Смотрицкого к учителям, озаглавленное «Учителем школьным автор». Все это — титульный лист и обращение автора — составляют отдельную тетрадь. Затем следует другой титул с датой 1618 г., но без указания места печати. Вместо слов «В Евю» поставлена концовка. Оборот этого титула чист. Вслед за ним сразу заверстан основной текст учебника, начинающийся словами «Что есть грамматика».

Такую же последовательность имеют экземпляры отдела редкой книги Ленинградской Публичной библиотеки и отдела редкой книги библиотеки АН СССР.

Учтены и изучены другие сохранившиеся до наших дней первопечатные издания «Грамматики» Смотрицкого, всего 20 экземпляров. Просмотрены репродукции титульных листов ее, помещенные в различных сочинениях.

Записываю предварительные выводы. Все наличные экземпляры «Грамматики» имеют или имели два титульных листа с датами «1619» и «1618». Титул с датой 1619 г. вместе с обращением автора к учителям составляет отдель-

ную тетрадь, а титул с датой 1618 г. составляет одно целое с основным текстом учебника. Титул с датой 1619 г. набран более выразительно, оформлен лучше. Вместо однорядных орнаментальных рамок титула 1618 г. здесь употреблены двухрядные рамки двух рисунков, а в нижней части — трехрядные. Более искусно, хотя, видимо, теми же мастерами, сверстан текст, симметричнее выключены строки. Выделены набором имя и фамилия автора, его звания, а также имя и фамилия Леонтия Карповича, руководителя Вильнюсского братства. Четко и красиво набрано внизу наименование места печати — «В Евю».

Пытаюсь восстановить картину издания знаменитого учебника. Смотрицкий написал его примерно в 1616—1617 гг. До этого он занимался переводом объемистого сочинения патриарха Каллиста «Евангелия учительного», напечатанного в Евье в 1616 г. Писал «Грамматику» Смотрицкий, надо полагать, уединившись в Евью, наезжая в Вильнюс только для того, чтобы просмотреть нужные книги в библиотеке братства. В Евье было не только тише, но и безопаснее под защитой православного магната, члена братства Огинского, что имело особое значение после бурной истории с изданием в 1610 г. «Фриноса», вызвавшей жестокие репрессии со стороны королевских властей. Автору «Фриноса» Смотрицкому удалось избежать кары только потому, что он подписал «злокозненное» сочинение псевдонимом.

В тот же период Смотрицкий приглашается в Киев преподавать в братской школе. Здесь он продолжает начатую в Евье работу над составлением учебника, заканчивает ее и пересылает рукопись в Евьинскую типографию Вильнюсского братства. Напечатали книгу в 1618 г. Педагогическая практика в Вильнюсе, а потом в Киеве подсказала необходимость сопроводить учебник методическим пособием.

Так появилось обращение «Учителем школьным автор». Но учебник был отпечатан. При этом и обнаружилось: типографы забыли поместить на книге герб магната, в имении которого располагалась типография. Нарушено существовавшее в те времена правило — выпускать из печати книги с гербами и посвящениями тем или иным вельможам. Надо полагать, что и Огинский, субсидировавший издание, высказал свое неудовольствие и внешним оформлением титульного листа, а также тем, что на нем не упоминается Евья. И тогда, в 1619 г., напечатали особой тетрадкой новый титульный лист с гербом Огинского на обороте, с обращением автора к школьным учителям и прикрепили ее к основному тексту вместе с титулом 1618 г. Конечно, можно было сделать и так, вырезать старый титул с датой 1618 г., но в этом случае подвергалась порче тетрадь, в составе которой он находился. Да и времени на такую процедуру пожалели: выход в свет учебника и без того задерживался. Посему и пошел учебник Смотрицкого в свет с двумя титульными листами.

Ошибка исследователей, называющих временем издания «Грамматики» — 1618 г., и местом — Вильно, объясняется, кроме всего прочего, следующим: на титульном листе с датой 1618 г. нет слова «В Евю» внизу, зато дважды, как и в титуле с датой 1619 г., упомянуто: «Виленская когновия» — монастырь и братство, которому принадлежала Евьинская типография. Упоминание Вильны и дало повод к толкованию, что учебник Смотрицкого напечатан здесь в 1618 г. Однако даже и такого повода не имели авторы сочинений, в которых пишется, что «Грамматика» выпущена в Вильно в 1619 г. Подобного издания, как и издания 1629 г., никто из них не видел и видеть не мог, его попросту не существует в природе.

Чтобы больше не возвращаться к версии о виленском издании 1618 г., добавим следующее: в период издания «Грамматики» Смотрицкого Вильнюсская братская типография редко печатала книги кириллицей, тогда как евьинская только их в основном и выпускала. Лишь в 1620 г. из вильнюсской типографии вновь стали выходить небольшие по размерам кириллические издания.

БИБЛИОГРАФИИ НЕИЗВЕСТЕН

В поисках старопечатных книг и в стремлении раскрыть их тайны встречаются порой самые, казалось бы, невероятные приключения.

Некоторое время спустя после получения из Копенгагена микрофильма календарной части «Малой подорожной книжицы» Скорины мне пришлось еще раз воспользоваться любезностью датских книговедов. Я попросил прислать снимки орнамента одного из вильнюсских изданий, хранящегося в Королевской библиотеке. Через некоторое время получаю микрофильм, но не снимков орнамента, а целой книжки под заглавием «Букварь языка славенска», напечатанного, как значится на титуле, в Евье около Вильнюса в 1618 г. Не скрою, никогда я так не радовался ошибке, допущенной библиотекой.

Полученный микрофильм поведал еще об одном старопечатном славянском учебнике, неизвестном нашей библиографии. Оказывается, «Букварь языка славенска» напеча-

тан в той же самой евьинской типографии, что и знаменитая «Грамматика» Мелетия Смотрицкого и одновременно с ней.

Что же он представляет собой? Всего в новонайденном учебнике 98 страниц. Здесь помещена азбука от буквы а до ижицы, а затем в обратном порядке. На 5—15 страницах даны слоги: «от согласных начинаемый» — «ба, ва, на, да, жа» и т. д., «от гласных начинаемый» — «аб, ев, иг, од, уж» и т. п., «слоги необычныи», «знаменательныи», «сливаемыи», потом «писмена гласная», «полгласная», «двогласная», далее «Просодия», «титла», знаки препинания, числа. На следующих 32-х страницах помещены примеры «Пяти славенские грамматики склонений».

Вторая часть букваря по условиям и традициям того времени отведена под молитвы, ветхозаветные и новозаветные заповеди и поучения. Но эта часть не носит канонического и догматического характера. Под видом сжатого и свободного изложения библейских истин в ней преподан своеобразный кодекс морально-нравственных правил для учащихся: «не сотвориши себе кумира и всякого подобия; елика на небеси горе и елика на земли низу», четыре добродетели — «мудрость, целомудрие, правда и мужество», семь даров, в т. ч. «премудрость, разум, совет, крепость, ведение» <т. е. знание>. И, наконец, крупицы естественнонаучных знаний о свойствах человеческого организма — «пять чувств телесных: видение <зрение>, слышание <слух>, обоняние, вкушение <вкус>, осязание».

Оформлен учебник скромно. Титульный лист взят в узкую рамку из составного наборного орнамента незатейливого рисунка. На обороте титула помещен герб Богдана Огинского, владельца Евьи (тот же, что и в «Грамматике» Смотрицкого с титулом 1619 г.). В тексте — две заставки разного рисунка, выполненные в стиле архитектурных деталей

карнизов, заполненных внутри лиственной арабеской. И концовка. За исключением герба и концовки все остальные детали оформления — рама титула и заставки — появились в букваре 1618 г. впервые среди виленских и евьинских изданий того периода. Можно полагать, что их изготовили (или приобрели) специально для этого издания.

Какое же место евьинский букварь занимает среди других старопечатных учебников? Прежде всего сравним его с первенцем нашей учебной литературы — львовским букварем Ивана Федорова 1574 г.

Несомненно, составители евьинского начального учебника имели под рукой федоровский учебник и пользовались им. В том и другом после азбуки идут одинаковые примеры слогов — «ба, ва..., бе, ве...» и т. д. Есть разница в использовании отдельных знаков кирилловского шрифта. В евьинском букваре более богат и разнообразен состав слогов. В склонениях одинаковы примеры со словами «владыка, благодать, естество, отец, чиста» и т. п., однако с отличиями в месторасположении. В евьинском учебнике больше примеров, например, слово «человек» в федоровском учебнике названо 14 раз, в евьинском — 19 и т. п. В букваре 1618 г. нет слов федоровского учебника — «архангел, апостол, Давид, зиждитель, крест, мученица, престол, пророк, рождество, троица, Христос» и т. п. (Имеются в виду склонения). Тематически примеры для склонений в евьинском учебнике свободны от ряда сугубо религиозных терминов. А при склонении слова «бог» в евьинском букваре употреблена явно неканоническая формула — «бози, богов, боги...»

Кроме того, некоторое сходство букварь 1618 г. имеет с вышедшими в Вильне в 1618 г. (два издания) и 1621 г. «Грамматиками», также, по сути, букварями. Но только некоторое. По сравнению с ними евьинский букварь более ос-

новательный учебник, с большей грамматической насыщенностью.

Довольно четко прослеживается связь «Букваря» 1618 г. с «Грамматикой» Смотрицкого. В них помещены одни и те же примеры склонений. Разница лишь в том, что в грамматике указаны падежи, а в букваре — нет. В предисловии Смотрицкого к «Грамматике» 1619 г. сказано: «Деткам учитися починаючим Букварь, звыкле рекши, Алфавитарь, з тойж Грамматики вычерпненый, абы склонениям Грамматичным з лет детинных з мовою зараз привыкали, до выученя подаван нехай будет...» В словах Смотрицкого раскрыт секрет появления в свет «Букваря» 1618 г., включения в него тех примеров склонений, каких не было в предыдущих начальных учебниках языка. Не исключено, что автор «Грамматики» приложил свою руку и к составлению «Букваря», вышедшего в свет годом раньше «Грамматики».

Евьинский «Букварь Языка Славенска» 1618 г. вместе с «Грамматикой» Мелетия Смотрицкого 1619 г. составили для того периода своеобразный свод учебной литературы по языку. Оба учебника неоднократно переиздавались в Литве, Белоруссии, на Украине и в России или входили определенной частью в другие аналогичные учебники вплоть до XVIII в. Сличение содержания евьинского Букваря с известными изданиями букварей XVII в. это полностью подтверждает.

Таково значение новой библиографической находки в серии книжных находок второй половины XX века.

ИЗДАНО В ПЯТИ ВАРИАНТАХ

Я занимался в отделе редкой книги Публичной библиотеки УССР в Киеве. Листал евьинское издание «Евангелия учительного» 1616 г., любовался заставками и инициалами, которыми оформлена книга. Обратил внимание на герб «княжат Соломирицких», с большим искусством выполненный неизвестными художником и гравером, прочитал шестистишие под гербом, а потом семистраничное посвящение Богдану Соломирицкому, написанное переводчиком книги Максентием Смотрицким (в 1616 г. Смотрицкий был еще мирянином и звался Максимом-Максентием. При пострижении в монашество он получил имя Мелетия).

Статья Смотрицкого привлекала тем, что отличалась индивидуальностью стиля, оригинальностью суждений о чести и славе людской, а также сообщала любопытные факты из биографии «княжат Соломирицких» и их «повольного слуги» Смотрицкого. Автор посвящения, в частности, рассказывал, как он «при содействии княжат Острожских и Соломирицких побывал в чужеземских академиях», изучал там «свободные науки», а возвратясь на родину, перевел «Казанья недельные» <поучения> знаменитого Каллиста, патриарха Константинопольского. Будучи напечатанной, книга, подчеркивал Смотрицкий, пойдет «на весь русских народов свет».

Через какое-то время я работал в отделе редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Нуж-

но было еще раз просмотреть некоторые детали орнаментального убранства «Евангелия учительного» 1616 г.

Осторожно раскрываю массивный переплет, перелистываю титул и на обороте титула вижу не герб «княжат Соломирицких», как в киевском экземпляре, а герб «княжат Огинских», 14-строчное стихотворение под ним, затем посвящение Богдану Огинскому и Раине Огинской-Волович, подписанное уже не Смотрицким, а членами Вильнюсского братства.

Одинаковый титул, те же дата — 1616 г. и место издания — Евья, один и тот же основной текст, такое же оформление, а посвящение иному лицу.

Советуюсь с работниками отдела. Узнаю от них, что в библиотеке имеется четыре экземпляра этой книги.

Просматриваю каждый экземпляр. И всякий раз встречаю сюрприз для себя. Во втором экземпляре — герб «княжат Масальских» и посвящение им, в третьем — герб Ходкевичей и посвящение Анне Ходкевич, княгине Корецкой, в четвертом — герб «панов Воловичей» и посвящение Пелагее Соколовой-Войниной, кастелянше Брестской, урожденной Волович, воеводянке Смоленской.

Выходит, что, считая экземпляр с посвящением Соломирицким, — это пять вариантов одной и той же книги.

Поиски продолжаются. В Историческом музее в Москве — семь экземпляров изучаемой книги, поступившие из различных частных собраний; во Львовском музее украинского искусства — три; по одному — в библиотеках Вильнюсского университета, АН Литовской ССР и в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. А всего учтен 21 экземпляр. В 17 из них полностью или частично сохранились титульные листы с гербами и посвящениями, в четырех они утрачены.

Остается выяснить характер посвящений.

Запасаюсь фотоснимками так называемых ненумерованных листов (титула и посвящений) всех выявленных пяти вариантов и начинаю сличать их.

Прежде всего проделываю эту операцию с четырьмя посвящениями, идущими от лица членов братства. Устанавливаю: текст их совершенно одинаков, разнятся они друг от друга лишь адресами, титулованием того или иного лица — отсюда и некоторое отличие в размерах посвящений. Имеются незначительные разночтения в отдельных словах.

Затем перехожу к сличению коллективных текстов с текстом Смотрицкого. Здесь обнаруживается большое и принципиальное различие. Братчики позаимствовали из посвящения Смотрицкого рассуждение о чести и славе людской, ссылки на примеры героев античного мира Ликурга, Кодра, Фемистокла, Фабиев и Дециев, а также персонажей Библии, но дополнили его сообщением об авторе сочинения — Каллисте, о переводе его книги с греческого языка.

Самое же важное в коллективных текстах — высказывание о значении перевода книг на современный, общепонятный язык, чего нет в статье Смотрицкого.

Статьи коллективных авторов вдохновенно прославляют язык славянских народов, считают его знаменитейшим, красивейшим, связнейшим, утонченным, лучшим из языков мира. Вместе с тем, они отмечают, что старославянский язык, на котором до сих пор издаются книги, стал малопонятен для простого народа. Вот почему следует писать и выпускать книги на обиходном языке, что и сделано в данном случае. Ярко и образно пишут авторы об этом:

«Переложением на язык наш простый Русский» славянский язык «якобы с мертвых воскрешен». Издание на нем книг и распространение их «на все широкии славного и ста-

рожитного народу Российского краины» послужит к пользе и расширению славы и могущества народа русского.

Пройдет полтора века, и М. В. Ломоносов выразит ту же мысль, но еще более ярко. А позднее скажут о величии русского языка А. С. Пушкин и И. С. Тургенев.

И еще несколько строк о посвящениях и предисловиях. Пример с «Евангелием учительным» 1616 г. не единичен. Напечатанная во Львове в 1642 г. «Триодь цветная» частично посвящена Петру Могиле, частично — Мефодию Адаму Киселю. Киевское «Евангелие учительное» 1637 г. вышло с отдельными посвящениями Федору Проскуре Сущанскому и Б. Стеткевичу.

За каждым таким посвящением кроется своя загадка. Они писались и помещались неспроста. У издателей и типографов на то были веские соображения: отблагодарить мецената, покровительствовавшего изданию, или прикрыться именем важного лица и могущественного вельможи как своеобразным щитом и обеспечить распространение книги, в какой-то мере оградить ее от преследования властей. Последний мотив являлся руководящим для изданий братств, боровшихся против унии с католицизмом.

Выпуск в свет сочинения Каллиста, переведенного на язык, понятный русскому, украинскому и белорусскому читателю, сам по себе являлся политической демонстрацией против польских королевских властей и католической церкви. А тут еще открытое прославление «славного и старожитного народа Российского» и его языка. Чтобы открыть такой книге доступ к читателю, братчики и прибегнули к покровительству пяти знатных фамилий.

Подобными же соображениями руководствовался Стефан Зизаний, посвящая свое «Казанье» 1596 г., разоблачающее католицизм и попытки введения унии, князю Констан-

тину Острожскому. Противник Зизания иезуит Петр Скарга посвящает свое сочинение «О единении церквей» 1577 г. тому же Острожскому, исходя из иного мотива: с помощью авторитета Острожского, как защитника православия, он думал продвинуть сочинение, пропагандирующее унию, в среду православных читателей. В данном случае посвящение должно было сыграть роль троянского коня в покорении умов и сердец некатоликов.

Как видим, одна деталь — герб, стихи под ним на обороте титульного листа, посвящение книги тому или иному меценату,— а какой свет проливает на судьбу книги, на ее роль в исторических событиях.

ИНИЦИАЛЫ В КНИГАХ

Из книги в книгу вели меня инициалы-гравюры, широко применявшиеся в оформлении старопечатных изданий.

Интересно, что в текстах богословского и церковнослужебного характера часто встречаются инициалы в композиции с рисунками явно мирского характера.

На рисунках — цветы, ветви деревьев, виноградные лозы, порхающие по траве бабочки и распевающие свои трели птицы, стремительно бегущая лань и осторожно пробирающаяся по лесным зарослям рысь, человеческие фигуры в различных, часто весьма непринужденных позах.

Книги, вышедшие в XVI—XVII вв. на западе нашей страны, в этом отношении отличались от первопечатных московских. Заставки и инициалы в последних пышно разукрашены растительным орнаментом, чаще всего рисунками листьев, цветов, шишек, реже гроздьев винограда и других плодов. Изображение живых существ в московских изданиях того периода появляется лишь в рисунках на религиозные темы.

Правда, уже Федоров частично отходит от установившейся традиции в своих послемосковских изданиях. Расширяя тематику орнамента, он вводит в нее мотивы из мира фауны, светские элементы. Внизу титульного листа острожского «Нового завета» 1580 г. — фигуры оленя и единорога. Одну из колонн титульного листа «Книги Сираха» в острожской Библии венчают фигуры двух существ — человека и какого-то животного. В заблудовских и львовских изданиях Федорова помещены гербы Ходкевича с изображением льва и всадника на коне, в острожских — гербы князя Острожского с фигурами двух всадников.

Однако темой орнамента инициалов, наиболее массового вида оформления, в федоровских и последующих московских изданиях оставалась флора.

Иное в вильнюсских и евьинских изданиях XVI в., а также в украинских изданиях XVII в. Первые же книги, изданные в 1525 г. Франциском Скориной, оформлены инициалами на фоне растительного и животного мира. В так называемой «малой подорожной книжице» мы встречаем значительную группу инициалов в сопровождении фигур зверей и птиц, представителей белорусско-литовской фауны. Инициал **В**, например, дан в композиции с фигурами волка, собаки и какой-то причудливой птицы, похожей на павлина. Фоном для инициала С служит фигура распластавшего-

ся рака, Т — двух рыб. А инициал К дан в композиции с рисунком тура, приготовившегося к сражению с повстречавшимся на его пути врагом. Тур наклонил свою могучую шею и выставил вперед острые рога.

В дальнейшем следы подобного рода инициалов теряются, хотя инициалы с растительным орнаментом из книг Скорины перекочевали в издания братских типографий XVI и XVII вв.

Инициалы в композиции с рисунками зверей, птиц, людей вновь появляются в оформлении книг с 80-х гг. XVI в.

Просматривая латинский трактат одного из вильнюсских авторов XVI в. Н. Дикуса, я встретил гравюрку, прямо скажу, поразившую меня своим сюжетом. Художник нарисовал заглавную латинскую букву G на штриховом фоне в композиции с изображением трех обнаженных человеческих фигур: две из них, помещенные внутри инициала, словно занимаются спортивными упражнениями, а третья фигура находится за левой стенкой инициала в позе наблюдающего. Картинка носила несколько натуралистический характер и диссонировала с текстом богословского сочинения.

Целая коллекция прелестных гравюр встречается в трактатах профессора Вильнюсской академии португальца Эммануэля Веги. В сочинении «Диспут теологический», вышедшем в 1586 г., 10-я и 59-я страницы открываются инициалом I в композиции с двумя музыкантами. Чем-то рисунок напомнил мне «Музыкантов» великого Альбрехта Дюрера. Затем мы видим инициал Т на фоне листвы и изображения дерева с птицами на нем. На 56-й странице — инициал Р на фоне зарослей и пробирающейся через них рыси. Фоном других инициалов также являются рисунки животных и птиц.

Чем дальше, тем сложнее книжный орнамент. Появляются новые темы, новые композиции. В нескольких книгах, выпущенных вильнюсскими типографиями в 1588—1592 гг., я видел латинский инициал **Q** в сочетании с рисунком обезьяны, восседающей на плодовом дереве. Потом инициал с обезьяной, обозначавший уже букву **О**, перекочевал в учебник польского языка, напечатанный Карцаном около 1599 г. Им начиналась... молитва «Отче наш». Приходилось наблюдать, как одни инициалы мелькали в книгах подобно метеорам, не возвращаясь никогда на их страницы, а иные воспроизводились неоднократно. Словно старого знакомого приветствовал я инициал **I** с музыкантами в «Апофегматах» Б. Будного 1599 г. Среди текста с изречениями античных мудрецов он казался более уместным нежели в схоластических хитросплетениях иезуитского полемиста Веги.

Чаще всего повторялся инициал **Р** с рисунком рыси. Появившись впервые в книге Веги в 1586 г., он затем перешел в издания 1592—1593 гг. А затем мы встречаем этот инициал, украшавший сочинения католических авторов, в книге, изданной православным братством — в евьинском «Евангелии учительном» 1616 г. Только теперь он означал не латинскую, а русскую литеру **Р**.

Богатством украшений — заставок, инициалов, концовок — отличается «Евангелие учительное» 1616 г. Вильнюсские мастера орнамента виртуозно изготовили серию новых инициалов. Помимо инициала **Р**, заимствованного из латинского текста, они вырезали другой, оригинальный инициал в композиции с рисунком лани на роскошном лиственном фоне. Впервые здесь же появились латинизированный инициал **А** с фигурами трех зверей, **К** с рисунком птицы.

У каждого инициала, заставки, концовки — свой путь, своя биография. В «Служебнике» 1583 г., напечатанном

Мамоничами, вы увидите заставку (так называемую плетенку) с инициалами черногорского воеводы Божидара Вуковича. Она скопирована с аналогичной заставки «Служебника», напечатанного для южных славян кириллицей в Венеции в 1519 г. на средство этого же воеводы. По заказу Мамоничей местные художники перерисовали заставку венецианского издания, и она была заверстана в вильнюсской книге. Вторично ее использовали Мамоничи в «Служебнике» 1617 г. Так протянулась ниточка, связывающая Черногорию с нашей страной через орнамент, через книгу.

УДИВИТЕЛЬНОЕ РЯДОМ

Раньше я как-то не предполагал, что и у нас в Крыму имеются старопечатные издания. Поэтому к первому известию о наличии древних книг в Симферополе вначале отнесся скептически. Но потом мелькнула мысль: «А вдруг...» И это «а вдруг» уже не давало покоя.

Первый визит — в Симферопольскую библиотеку им. И. Я. Франко. На ее полках — немало редких изданий XVIII—XIX в., в том числе — «Арифметика» Леонтия Магницкого 1703 г., напечатанная кириллицей. XVII в. представлен «Историей Александра Македонского», изданной в Кракове в 1614 г. Страницы книги испещрены пометками: какой-то давний владелец книги записал факты из истории

Речи Посполитой времен Сигизмунда II Августа. В «Таврике» — библиотеке областного краеведческого музея — я встретил уже порядочную коллекцию старопечатных изданий: шесть XVI в. и одиннадцать XVII в. Прежде, чем рассказать о них, позволю себе небольшое отступление.

Заветной мечтой каждого библиофила является возможность если и не приобрести, теперь это почти немыслимо, то, по крайней мере, подержать в руках и полюбоваться альдинами и эльзевирами — этими изумительными произведениями книгопечатного искусства. Альдины в «Таврике» отсутствуют, зато здесь — четыре книги, выпущенные Эльзевирами. И попали они в «Таврику», как и другие старопечатные издания потому, что почти в каждой из них идет речь о Крыме. Наибольший интерес вызывает миниатюрное эльзевировское издание 1630 г. под заглавием «Россия или Московия, а также Татария». Титульный лист книги украшен гравюрой с изображением представителей населения нашей страны. Отпечатано сочинение о России мелким, но очень четким шрифтом. Почти половина сочинения посвящена Таврии, городам Херсонесу, Евпатории и другим.

Примечательны два томика «Натуральной истории» древнеримского ученого Плиния Старшего. Напечатаны они в Лейдене (Голландия) в 1635 г. Эльзевирами. Как видно по экслибрису, приобретены эти томики Х. Х. Стевеном, известным русским ученым, основателем и первым директором Никитского ботанического сада в Крыму. Приобретены тоже не случайно. В сочинениях Плиния упоминаются деревья и травы, произрастающие в Крыму. В одном из томов («Книги XXXVII») дается описание истории и природы Таврии, рассказано о Пантикапее (городе на месте нынешней Керчи), Херсонесе, Феодосии — порте и крепости. До того

как попасть в Крым, один из томиков Плиния переменил несколько владельцев, оставивших свои автографы, датированные 1650, 1677 и 1704 гг.

Почетное место на книжных полках «Таврики» занимают тома сочинений Гесиода, Дионисия Галикарнасского, Диодора Сицилийского, Публия Теренция, Марка Туллия Цицерона и других древних авторов, изданные в XVII в. в Италии и Германии.

Самая старая книга «Таврики» — «Русские, москвитяне и татаре. Религия, обряды и обычаи» — напечатана в Кракове в 1582 г. На ее страницах неоднократно упоминается Таврия. В свое время книга эта находилась в Петербургской библиотеке князя М. С. Воронцова, о чем свидетельствует экслибрис.

На полках библиотеки Симферопольского университета оказались книги всех веков, что, в известной мере, позволяет проследить 500-летний путь книгопечатания.

XV в. представлен экземпляром латинской «Библии», изданной в Германии в 1482 г. Книги этого века обычно называют инкунабулами, что значит — колыбельные. Осторожно листаю инкунабулу: текст набран и отпечатан черной краской, а инициалы разделов вписаны красной краской от руки на оставленных при наборе пустых местах. Мастер-рубрикатор, которому положили на стол оттиснутые на станке листы, не только вписывал инициалы, но и накладывал легкие красные мазки на все заглавные буквы текста, отпечатанные черным. Работы у рубрикатора было много. Только на одной странице «Псалтири» я насчитал 8 заново написанных инициалов, 17 подчеркиваний отдельных стихов и 63 разметки заглавных букв в тексте. 88 раз пришлось мастеру-рубрикатору обмакнуть кисточку в краску и прикоснуться к странице. А ведь таких страниц в «Библии» не-

сколько сот! Инкунабула густо усеяна маргиналиями — рукописными пометками на полях. Сделаны они на средненемецком наречии, являясь аннотациями содержания отдельных частей текста и комментариями к нему. Одна только эта особенность крымского экземпляра древней книги представляет немаловажный интерес для филологов-германистов. Когда-то, если судить по экслибрису, «Библия» 1482 г. принадлежала Таврическому епископу Михаилу.

Другая редкость — «Евангелие», напечатанное в Вильнюсе в 1575 г. Петром Мстиславцем. За время предыдущих поисков мне удалось выяснить, что эта книга Мстиславца сохранилась в 30 экземплярах. Находятся они в библиотеках Москвы, Ленинграда, Киева, Львова, Вильнюса, Ярославля, Владимира, Казани, Саратова, Томска и в библиотеках Болгарии, Польши, Англии. Симферопольская находка увеличила это число.

По соседству с книгой Мстиславца — творение рук Федора: два экземпляра острожской «Библии» 1580—1581 гг. В одном сохранилось послесловие первопечатника на греческом и русском языках и его типографический знак. «Сущия же... книги... напечаташася мною многогрешным Иоаном Федоровым сыном з Москвы... в граде Острозе, в лето 1581, месяца августа 12 дня», — говорится в заключительных строках послесловия. Острожская «Библия», ставшая вершиной в деятельности Федорова, — подлинный шедевр книгопечатного искусства. Трудно описать красоту этого издания, его нужно видеть. Текст книги набран очень четкой кириллицей, украшен заставками, инициалами, концовками. Некоторые инициалы, **И**, например, имеют до пяти видов разрисовки. Всего в полном экземпляре «Библии» свыше 1500 различных орнаментальных украшений. В одном «Апостоле», составляющем часть «Библии», — 215 украше-

ний. Отпечатана книга в две краски. Знаменито острожское издание и тем, что в нем впервые появились печатные поэтические строки на украинском языке — стихи Герасима Смотрицкого, отца сочинителя «Грамматики» Мелетия Смотрицкого. Стихи адресованы князю Острожскому, прославляют его за попечение об издании книг для «русийского народа».

Выше сказано: острожская «Библия» вышла в 1580—1581 гг. Откуда такая неопределенность? А вот откуда. На титульных листах всех известных ныне экземпляров книги значится — 1581. Но дата выхода книги помещена и на последнем листе. Причем в процессе изучения книги было установлено, что последний лист имеет два варианта: в некоторых экземплярах на заключительном листе помещено краткое послесловие Федорова на русском языке с датой — 12 июля 1580 г., в других — окончание начатого на предыдущем листе более пространного послесловия на греческом и русском языках с датой — 12 августа 1581 г. (как и в одном из симферопольских экземпляров; во втором последние листы утрачены). А. С. Зернова тщательно изучила и сравнила 34 наличных экземпляра федоровской книги и пришла к выводу: издавалась «Библия» в Остроге однажды. А разночтение в выходных данных на последнем листе получилось так: сначала думали издать книгу к 12 июля 1580 г., и начали одновременно с основным текстом печатать на отдельных листах послесловие с этой датой. Затем увидели, что не успеют к этому сроку выпустить книгу, и прекратили печатать послесловие. Когда же окончили печатать основной текст, то отпечатали титульный лист с датой «1581» и заключительный лист с датой «12 августа 1581 года». Но экономии ради использовали последние листы с двумя вариантами послесловий и двумя различными датами. И это

только часть ответа на загадку, заданную нам печатниками XVI в. Та же А. С. Зернова при сличении 34-х экземпляров острожской «Библии» обнаружила в них 28 вариантов разночтений, 29-й вариант был описан ранее украинским ученым С. Л. Пташицким. Среди обнаруженных отличий: разные рисунки заставок и инициалов на оттисках одной и той же страницы, изменения в наборе, поправки, и, наконец, редакционные изменения.

Секрет подобных вариаций таков: книга большая, печаталась долго. Отпечатанные листы тщательно проверялись печатником, справщиком и особой группой ученых людей, выделенных князем Острожским для надзора за правильностью текста. По ходу печати делались исправления, отдельные слова заменялись другими, переставлялись заставки, инициалы. А потом отпечатанные листы с поправками и без оных переплетались в книгу, и выпускалась она в свет с разночтениями, которые тогда вряд ли кто и замечал.

Наблюдение над симферопольскими экземплярами федоровской книги показывает: мы имеем два варианта из 29 известных в литературе.

В библиотеке университета оказался и «Лексикон славено- росский и имен толкование» Памвы Берынды, изданный в Кутеине в 1653 г. Известный украинский ученый, поэт, переводчик и издатель книг больше всего прославился составлением словаря. За основу для «Лексикона», напечатанного в Киеве в 1627 г., Берында взял «Лексис» Лаврентия Зизания 1596 г. «Оттуду убо начало взем аз», — пишет Берында в обращении к читателю. Но, взяв «начало» от Зизания, Берында продолжал собирать материал для своего словаря, значительно расширил и обогатил словарный состав. Если в «Лексисе» Зизания истолковано 1061 слово, то в «Лексиконе» Берынды — 6982.

«Лексикон» пользовался большой популярностью. При недостатке печатных экземпляров его переписывали от руки. Вторично он был напечатан в 1653 г. в типографии Кутеинского монастыря (в Белоруссии, около г. Орши). Один из экземпляров кутеинского издания и попал в Симферополь.

Необычайный интерес представляет и обнаруженная в университете серия политических брошюр на немецком языке, изданных в XVI, XVII и XVIII вв. Причем из 42-х названий этой серии лишь одна — о начале рыцарских каруселей 1518 г. — не касалась России. Все остальные посвящены событиям, происходившим в нашей стране, или освещают ее связи с другими государствами. В одной брошюре (1576 г.) рассказано о посольстве царя Ивана IV к австрийскому императору Максимиллиану. На титульном листе ее помещен портрет Ивана Грозного. В какой-то степени он напоминает гравированное изображение Ивана IV, единственный экземпляр которого находится в Венской публичной библиотеке, но при этом сохраняет свою оригинальность: иная поза, иное выражение лица. Возможно, что как первый, так и второй портреты нарисованы с натуры одним и тем же художником, причем портрет, включенный в брошюру, нарисован вероятно раньше и точнее передает черты Ивана IV.

Другая брошюра — изложение письма польского короля Стефана Батория Ивану IV, по сути воинственный вызов. Не случайно издатели брошюры, выпущенной в Нюрнберге в 1580 г., изобразили на титульном листе меч с подвешенным к рукоятке письмом.

Затем следуют брошюры о Лжедмитрии (1606), о дороговизне хлеба в Нидерландах и о торговле этого государства с Россией (1630), о кончине царя Алексея Михайловича

(1676), о Петре Первом, о русско-шведской войне и о других важных событиях русской действительности того времени.

Впоследствии эта коллекция брошюр была передана в Ленинградскую Публичную библиотеку и украсила богатейшее собрание отдела «Россика», где собрана изданная за рубежом литература о России.

Хочется упомянуть и о прямых находках книжных редкостей, которые случаются на крымской земле. В 1961 г. на прилавке букинистического магазина в Симферополе появился прекрасный экземпляр сочинения Эразма Роттердамского «Апофегмата», изданного в Лионе в 1547 г. Себастианом Грифусом, другом великого французского писателя Франсуа Рабле. Ввиду особой ценности эта книга была приобретена Библиотекой им. В. И. Ленина. Несколько лет назад счастье улыбнулось и автору этих строк: в том же букинистическом магазине я приобрел томик «Натуральной истории» Плиния, напечатанный в Женеве в 1593 г. Он занял свое место на моей полке редких книг рядом с внушительным томом сочинений Цицерона, изданным Эльзевирами в Базеле в 1687 г., и по соседству с миниатюрной «Псалтырью», напечатанной в типографии Киево-Печерской лавры в 1750 г.

СПАСЕННАЯ ОТ ОГНЯ

Об этой книге из библиотеки Симферопольского университета надо рассказать отдельно. Называется она «Евангелие учительное», составленное,

как значится на титуле, «трудолюбием... Кирилла Транквиллиона... Его властным старанием и накладом з друку на свет ново выдана... в Рахманове» в 1619 г.

Кирилл Ставровецкий, по прозванию Транквиллион, по-своему толкует канонический текст Евангелия, как это было подчас принято в те времена. Не желая мириться с неправдой и насилием, он, не видя более действенного пути борьбы с царящим злом, пытался «исправить мир» своим словом, обличением сильных мира сего — светских и духовных феодалов.

В предисловии к своей книге Транквиллион рассказывает, в каких условиях рождалось сочинение. Ему запрещали выступать, проклинали его, а когда узнали о том, что свои взгляды он намерен изложить печатно, то «отовсюду поднялась на меня лютая брань», — пишет Кирилл в предисловии. И не просто брань, а прямые угрозы «смерти предати меня... книги ради сея». Но ничто «невозмогло поколебати твердой души и устрашити мужественного сердца». Враги книги и невежды заявляют: «Что нам в новых книгах, достаточно нам старых», пытаясь «свет правды тьмою лжи своей закрыть и источник живой воды гноем слов своих закидать и такой светильник разумного света угасить».

Кирилл обращается к читателям, просит их «с любовью принять» его книгу и прочитать ее «прилежно, с вниманием и духовным рассуждением». Эта книга, говорит он, как «некая труба... вовещающая ополчение на миродержателей и властей темных... меч обоюдоострый, всякое нечестие и беззаконие отсекающий... И блистанием своим устрашает не только мучителей и царей земных, но и самих демонов». Богатые, пишет Транквиллион, тратят свое богатство «на гордыню и тщеславие», на «объядение, пьянство и блудодеяние». У богачей «псы под коврами и златом обложены,

а бедняки... нагие от холода замерзают и от голода погибают. Псам преизобильно мяса, а нищему ни косточки малой и ни крохи хлеба. Тунеядцам и подхалимам — шелковые одежды, а беднякам разодранного рубища не дадут; музыкантам и блудницам — пол-имения, а убогому, сироте и вдовице лишнего гроша не дадут».

Еще острее и определеннее звучит другое место — о феодалах-крепостниках, которые «завладели селами, насадили винограды и умножили рабов, от земли богатство собирая... Они окаянные (помещики — *А. А.*) в отношении к подручным себе и к работникам своим варварами лютейшими являются, видя, как те от голода погибают, в рубищах разодранных ходят, всю жизнь свою работая на господ, день и ночь пот проливая. К тому же и дани всегда налагают нестерпимые и службы трудные не как людям, но как ослам или волам... не давая ни малейшего отдыха. И что самое беззаконное, так теми (т. е. крестьянами — *А. А.*) и женами их и детьми торгуют, как безсловесными животными...»

Знакомые выражения. Спустя полтора столетия А. Н. Радищев в своем «Путешествии из Петербурга в Москву» напишет: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала...» Варварами и кровопийцами назовет автор «Путешествия» крепостников-помещиков, призывая к расправе с ними, как с злодеями. Кирилл Транквиллион не дошел до таких выводов и призывов, как позднее это сделал Александр Радищев. Но и то, что высказал автор рахмановского издания под видом евангельских поучений, вызвало гнев и возмущение власть имущих.

Церковникам не могло понравиться и сугубо мирское оформление «Учительного евангелия» Траквиллиона. Текст

украшен инициалами-рисунками, прославляющими природу и человека. Здесь представлена почти вся азбука, причем латинизированного, а не кириллического шрифта. Фантазия художника, рисовавшего инициалы, была неистощимой. Лишь в одном случае он использовал для инициала Н рисунок святого. В абсолютном же большинстве случаев фоном служили сцены из быта людей и силуэты животных.

Как и опасался автор, его книга после выхода в свет подверглась репрессиям. На соборе православных владык в Киеве «Евангелие учительное» Траквиллиона было признано еретическим и осуждено, автор отлучен от церкви и предан анафеме. Собор запретил людям читать сочинение Транквиллиона. «Тех книг нового слогу Кириллова Учительного евангелия никому в церквах и домах не держати, ни чести, ни покупати», — постановил собор украинских епископов.

Еще круче обошлись с книгой Транквиллиона в Москве, куда она была привезена. Игумен Никитского монастыря Афанасий, получивший задание просмотреть рахмановское издание, доносил патриарху Филарету (отцу царя Михаила Федоровича) о еретическом характере книги, о том, что она уже осуждена собором архипастырей в Киеве, и что эту книгу «ни один верный христианин не должен держать в своем доме и читать».

После такого заключения царь и патриарх поручили еще раз рассмотреть книгу богоявленскому игумену Илье и соборному ключарю Ивану Наседке. Новые цензоры нашли в книге, кроме указанных Афанасием, многие другие «ереси», составив настоящий обвинительный акт из 61 пункта. Тогда последовал указ «на Москве и во всех городах... учительные евангелия... Кирилла Транквиллиона Ставровецкого... собрати и на пожарех сжечь, чтоб та ересь и смута в мире не была».

4 декабря 1627 г. на площади в Москве были публично сожжены все наличные экземпляры книги Транквиллиона.

Через 163 года подобная же судьба постигла сочинение А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

16 октября 1969 г. в газете «Правда» появилось сообщение: «Группа инженеров Челябинского радиозавода, вернувшаяся из туристского похода по притокам реки Подкаменная Тунгуска, обнаружила в избушке заброшенной таежной заимки несколько старопечатных и рукописных книг, в том числе „Учительное евангелие“, напечатанное на Украине Кириллом Транквиллионом».

А один из экземпляров сочинения Транквиллиона неведомыми путями попал в Крым и занимает теперь достойное место на полке редких книг библиотеки университета.

«ВРАТА УЧЕНОСТИ»

Давно мне хотелось взглянуть на книги, составившие «врата учености» М. В. Ломоносова. В библиотеке Симферопольского университета оказались и «Грамматика» Смотрицкого, переизданная в Москве в 1648 г., и «Арифметика» Магницкого 1703 г., и «Псалтырь рифмотворная» Полоцкого 1680 г.

Начну с «Грамматики». Ее московский вариант 1648 г. во многом отличается от евьинского: в него не вошло обращение Смотрицкого к школьным учителям, зато помещены обширное предисловие к «хотящим учения грамматичес-

кого» и «Похвальные словеса грамматики». После основного текста следует рассуждение Максима Грека о грамматике, риторике и философии, а в заключение дано «сословие имен» — алфавитный словарик собственных имен с их толкованием. И главное достоинство московского издания — на место старославянских форм поставлены современные формы русского языка. Человек, готовивший переиздание учебника Смотрицкого и писавший предисловие к нему, использовал все свое красноречие, привел самые сильные и убедительные аргументы, чтобы доказать необходимость знаний. Тут и примеры жизни отцов и учителей церкви, тут и ссылки на «матерь словесам Афины», на античных писателей и ученых: Аристотеля, Пифагора, Евклида и на более близкие примеры Козьмы Индикоплова и Стефана епископа Сурожского*, который, пятнадцатилетним юношей для овладения науками и знаниями отправился в Царьград и впитывал знания от тамошних учителей, «аки губа воду».

«Грамматика» — убеждает автор предисловия — всему голова: искусству слова и письма, истории и философии, землемерию и астрономии. Она — источник разума. А разум «свет есть... тогда как неразумие — тьма». Следующие за этим «Похвальные словеса» — подлинный гимн знаниям. Обращение идет как бы от лица самой «Грамматики»: «Чтущего меня — почту, любящего — возлюблю». С моей помощью, — «заявляет» «Грамматика», — составляются статьи и сочиняются стихи. Никто из пишущих и читающих без меня не обойдется — «понеже на времена розвожу, и на числа розочту, и на лица розскажу, и на падения уклоню и на супружества сведу, степени розсужу, и роды розберу, и вся в письменах прочая устроения удобно и разум-

* Сурож — древнее название Судака.

но со всеми просодиями, и с точками, и с запинками, статно и внятно учиню».

Еще более любопытной является «Арифметика» Магницкого, созданная почти на 100 лет позже первого издания учебника «Грамматики».

Учебник Магницкого олицетворяет собой эпоху начавшихся петровских преобразований. Автор «Арифметики» Леонтий Магницкий, один из сподвижников Петра, был учителем математико-навигационной школы, открытой в Москве в 1701 г. Именно для учеников этой школы он и написал свою книгу.

В сочинении Магницкого содержатся элементы алгебры, геометрии и тригонометрии, основы математической географии — «земное размерение», описание ветров и руководство по навигации. Под скромным названием «Арифметика» вышла в свет первая своеобразная энциклопедия математической науки и естествознания, являющаяся также первым печатным пособием по мореходству и кораблевождению на русском языке.

Я рассматриваю раздел за разделом эту книгу и удивляюсь мастерству и педагогическому такту автора, тому, как увлекателен его рассказ, как он учит не бояться трудностей, встречающихся на пути к знанию. Здесь все к месту. В традиционных стихах «на предлежащей герб» ярко сказано о значении математической науки «ко гражданству», что она «грады укрепит и построит». Наука эта нужна и навигатору, и воину. Автор подчеркивает, что в предлагаемой книге он «разум весь собрал и чин природно русский, а не немчий». И — «да будет сей труд добро пользовать русский весь люд».

По окончании каждого раздела помещена стихотворная концовка, подытоживающая освоенные знания и зо-

вущая юного читателя вперед к новым вершинам. Так, после примеров умножения следуют строки:

О еже умножати
Смыслих зде окончати.
А по сем начинати
О ином поучати.

Перед разделом «О правиле возвратительном»:

Зане ти есть к потребе,
Якоже соль при хлебе.

После второй части, отметив важность полученных знаний и сравнивая их с воинским вооружением, автор убеждает учащегося:

Но несть воин совершен,
Иже токмо вооружен.

Надо еще уметь владеть полученным оружием, а об этом идет речь дальше. Изучишь следующий материал и «будешь добр ратник, или ключарь и вратник».

Математические задачи основываются на близких тогдашнему читателю примерах из земледельческого, купеческого и воинского быта. Я с удовольствием отметил, что некоторые задачи и примеры, использованные Магницким, вошли и в современные школьные учебники. Сошлюсь на одну из подобных задач, помещенную на 116 листе «Арифметики» 1703 г.

«Един путник идет от града в дом: а ходу его будет 17 дней, а другой путешественник от дому во град той же путь творяще, а может прейти в 20 дней. Оба же сия человека поидоша во един и той же час от мест своих и ведательно есть в колико дней сойдутся?».

Примерно такие же задачи, что в свое время решали учащиеся математико-навигационной школы, теперь реша-

ют ученики наших советских школ. Только ныне примеры с пешеходами вытеснены примерами с велосипедистами, мотоциклистами, автомобилистами.

«Арифметика» Магницкого разделена на две книги. Вторая книга посвящена мореходной науке. В ней приведены сведения по геометрии и астрономии, необходимые при кораблевождении. Помещены таблицы: «Склонения солнечного на 1701 — 1728 годы по месяцам и числам, в градусах и минутах», «рефракции или преломления лучей солнца, луны и звезд», таблицы локсодромические, через которые познается «расстояние мест и путь кораблеплавания в простых и сферических линиях», описание и таблица ветров.

Замечательна «Арифметика» не только своим содержанием, но и оформлением. Шрифт, набор, краска, печать — все сделано образцово. В книге много таблиц и рисунков, орнаментальных украшений, выполненных с большим вкусом. На фронтисписе изображены русский государственный герб и фигуры Пифагора и Архимеда в окружении антрибутов математической науки и техники. Первая страница открывается заставкой, в центре которой на троне восседает Арифметика в виде женщины с ключом от храма знания. Среди обилия рисунков-примеров мы видим изображение города, крепостных стен и башен, шеренги солдат, детали машин, предметы быта, промышленности и торговли. Нельзя не отметить употребленной несколько раз концовки с рисунком лисы. Она, видимо, служила образом «математической хитрости». Весьма искусно выполнены две вклейки: одна — с рисунком глобуса на всю страницу, вторая — с «описанием ветров» — с прелестной гравюрой корабля, плывущего под парусами по бурному морю.

Под рисунками стоит подпись художника — Михайло Карновский.

Один симферопольский экземпляр «Арифметики» принадлежал Таврическому епископу Гурию Карпову, затем перешел «в книгохранилище Терентия Ивановича Вяземского», о чем гласит сделанная в 1904 г. надпись. Книгохранилище Т. И. Вяземского, доктора медицинских наук, приват-доцента Московского университета, находившееся в Кара-Даге, являлось одной из крупнейших не только в Крыму, но и в России частновладельческих библиотек. В журнале «Русский библиофил» № 6 за 1911 г. сообщалось, например, что в карадагской библиотеке Т. И. Вяземского — до 30 000 томов, в том числе труды ученых обществ и журналы по физике, химии, естествознанию, медицине, антропологии и археологии. Немало было в коллекции и книжных редкостей.

Мне осталось рассказать еще об одном представителе книжного триумвирата — о «Псалтыри рифмотворной» Симеона Полоцкого, сыгравшей заметную роль в развитии поэтического творчества М. В. Ломоносова.

Симеон Полоцкий — писатель, общественный и церковный деятель XVII в. В ряде своих произведений он подвергает критике отдельные стороны и пороки русской действительности: невежество духовенства, алчность купечества, лихоимство судей, жестокосердие помещиков. Его перу принадлежат «Вертоград многоцветный», «Псалтырь рифмотворная», «Рифмологион», «Комедия о блудном сыне» и др.

«Псалтырь рифмотворная», о которой идет речь, одно из самых значительных произведений Полоцкого. В предисловии к читателю автор пишет о том, как у него возникла идея сочинения, о его назначении. Пусть обычная «Псал-

тырь», заявляет он, «во церкви да будет хранена», а моя, рифмами переложенная, предназначена для домашнего чтения, «к домашней потребе». И не слушай, читатель, — говорит автор далее, невежественных и злых людей, хулящих мое произведение. Будь «не слов ловитель, но ума искатель. ...благодарно прими труды сия, иным обычным, в Россия новыя».

Обращает внимание своей интонацией переложение 81-го псалма. В нем обличаются судьи и властители несправедливые и развращенные. И опять напрашивается сравнение.

Ровно сто лет спустя в ноябрьском номере журнала «Санктпетербургский вестник» за 1780 г. также появилось стихотворное переложение 81-го псалма, но уже в иной редакции, и называлось оно «Одой». Анонимный автор «Оды» пишет более определенно, нежели его давний коллега по перу. Он открыто призывает карать «земных богов»: коварных судей и жестоких правителей, которые «щадят злых» и угнетают бедных. «Ода» адресовалась царям, напоминала им, что они так же смертны, как и все, так же скоро станут отвечать за свои деяния.

«Ода» попала не в бровь, а в глаз. Едва екатерининским властям стало о ней известно, сразу же было предложено издателям вырезать ее из журнала и вместо «зловредной» «Оды» исправленный вариант ноябрьского номера «Санктпетербургского вестника» за 1780 г. открывался благопристойной переводной повестью «Розалия».

Выяснилось, что автором «Оды» был поэт Г. Р. Державин. И над ним уже нависла зловещая тень заплечных дел мастера Шишковского. Только державинский дипломатический талант и такт царедворца спасли поэта от расправы, а через некоторое время вернули ему благоволение Екатери-

ны II. Так иногда оборачивались попытки перелагать виршами псалмы царя Давида.

Однако вернемся к «Псалтыри» Полоцкого, к ее симферопольскому экземпляру. Он оказался уникальным по своим индивидуальным особенностям: на полях значительной части страниц, а также на специально вклеенных листах мы находим вписанные от руки ноты, многочисленные прозаические и стихотворные надписи XVIII в.

На одном из первых листов имеется надпись о датах рождения и коронации Петра Первого, несомненно, сделанная одним из владельцев книги в петровское время. Потом следуют надписи, сделанные другой рукой, но в том же XVIII в. По содержанию их можно разбить на две группы: антицерковного и политического характера.

После слов 117-го псалма — о прославлении бога и его «милости» — идет довольно язвительная надпись-реплика: «церкви восточная чада скачите овцы словесного стада».

После псалма 142-го следует рукописная исповедь завзятого эпикурейца того же XVIII в., который все свое время тратит на житейские наслаждения: «Тя, творца своего оскорбляю всегда», но кары божьей все же страшусь и прошу от нее меня избавить. Стихотворение пронизано иронией над верой в могущество «всевышнего».

Несколько надписей сделано в связи с событиями русско-шведской войны и изменой гетмана Мазепы. Цитирую одну из них: «Изми мя боже, вопиет Россия, от ядовита и лукава змия, его жеж даша адския залеты бывшего вождя Ивашки Мазепы». Судя по содержанию и по форме, надпись сделана около 1709 г.

Во всяком случае рукописные заметки свидетельствуют, что стихотворное переложение псалмов Симеоном Полоцким отнюдь не способствовало укреплению религиозных

убеждений и отрешению от мирских дел. Надписи превратили внешне, казалось бы, безобидную книгу в орудие политической борьбы.

СТАТИСТИКА С ГЕОГРАФИЕЙ

Я заполнял свои тетради и блокноты выписками, вписывал в карточки каталога все новые описания старопечатных изданий. Выяснял детали, восполнял пробелы.

Как географ, наносил на карту те места, где хранятся книги старой печати.

С течением времени в каталоге оказалось 698 карточек — 698 биографий книг, их «послужных» списков.

В «биографии» записаны: имя автора, заглавие сочинения, места и время издания, формат, число листов ненумерованных и нумерованных (в XVI—XVII вв. во многих случаях нумеровался по листам или по страницам только основной текст книги, а предисловия и посвящения обычно не нумеровались.). Кратко сообщено о содержании сочинения, об авторе. Приведены литературные источники, в которых эта книга описана или только упомянута. В ряде случаев помечено, в каких современных изданиях помещены репродукции титульного листа, отдельных страниц, орнамента. А в заключение указано, в библиотеках и музеях каких стран и городов эта книга теперь хранится, в каком числе экземпляров — хороших и с дефектами.

Теперь рассказывал о книгах каталог. Он говорил, что всего сохранилось до наших дней изданий 1522—1625 гг*. около двух тысяч экземпляров, в среднем каждое название представлено менее чем тремя экземплярами. Только в среднем! Так как 50 из учтенных наименований сохранились лишь в единственном экземпляре каждое.

Ни одно книгохранилище не имеет полного собрания изданий первого века книгопечатания в нашей стране. Наибольшим числом их располагают библиотеки Москвы, Ленинграда, Киева, Львова, Вильнюса. По одному или нескольким экземплярам старопечатных изданий имеют 19 городов нашей страны, начиная от Гродно и кончая Иркутском, и 36 городов зарубежных стран. В библиотеке Оксфордского университета, например, собрано 19 московских, вильнюсских, острожских и могилевских кириллических изданий, в том числе единственные экземпляры двух изданий «Грамматик» (Букварей) 1618 г. Британский музей (Лондон) располагает редчайшим и пока единственным экземпляром «Диалога» Мелетия Пигаса, напечатанного в Вильнюсе в 1596 г. на греческом языке. Там, где возможно, каталог раскрывал судьбу той или иной книги, прослеживая ее жизненный путь. Бесценным пособием при этом служили всякого рода пометки на книгах, дарственные (вкладные) записи. По ним я узнавал о владельцах и читателях книги, о ее движении по городам и странам. Из вкладной записи на экземпляре «Евангелия» Петра Мстиславца, которое хранится в Ярославском музее-заповеднике, узнаю, что эта книга уже через год после ее выхода в свет — в 1576 г. в Вильнюсе — попала в Ярославль и бы-

* В каталоге учтены только отечественные издания этого периода.

ла подарена Никифором Григорьевым, «а прозвищем Богдан Самария», в церковь «Ивана Предтечи на Николу чудотворца на Волский берег» (т. е. на волжский берег — *А. А.)*. Две книги, напечатанные Мстиславцем в Вильнюсе, «Евангелие» 1575 г. и «Псалтырь» 1576 г., вскоре после выхода оказались в Болгарии, о чем свидетельствуют надписи на книгах, находящихся теперь в Пловдивской библиотеке им. Ивана Вазова. «Филипп Яковлевич козак войска Запорожского» подарил сию книгу «церкви села Керегедиева (за Днепром) в Каневщине», — прочел я в Публичной библиотеке УССР вкладную запись на «Евангелии» 1600 г.

...Может быть, мои заметки в каталоге, иногда краткие, иногда более пространные, еще не дают какой-то целостной картины. Но верю, что настанет время, когда из наблюдений и открытий отдельных книговедов такая картина будет создана, и старопечатная книга предстанет перед людьми во всей своей первозданной красе и величии.

* * *

А пока поиски и поиски. Впереди новые дороги и новые открытия. Пусть не всегда большие, но постоянно радостные.

О некоторых книгах, изданные в XVI—XVII вв., есть какие-то упоминания в произведениях этих и последующих столетий. Значит, кто-то видел их, значит, они вышли в свет, а потом затерялись в книжном море.

Литературные источники свидетельствуют: в 1592 г. типограф Даниель Ленчицкий напечатал избранные стихи античного автора Феогнида из Мегары; в 1580 г. вышла в свет брошюра «Плачь несчастного Григория Остейки», казненного по указу польского короля Стефана Батория за

связь с Москвой и тайные сношения с посольством Ивана Грозного; около 1620 г. вышла книга «Воскресший Наливайко», в которой противники унии — украинцы и белорусы обвиняются в бунте против польской короны и католической церкви, называются последователями Северина Наливайко. Пока что не удалось отыскать эти издания, напечатанные в Вильнюсе.

В печати промелькнуло сообщение о том, что Иван Федоров, вернувшись из Острога во Львов в 1583 г., начал печатать какую-то книгу. После смерти первопечатника, как упомянуто в одном из архивных документов, был найден ее набор. Названия книги документ не приводит. Что это была за книга?

Не станем терять надежды. В каком-то из книгохранилищ в один из счастливых дней книги эти могут быть найдены. Найдутся и другие уникальные отечественные издания, о существовании которых мы сейчас даже не помышляем, как не помышляли люди до первой половины XX в. об учебниках, напечатанных Иваном Федоровым во Львове и Остроге.

Верю, удивительные находки ждут исследователей старопечатной книги!

СЛОВАРЬ ОТДЕЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ

Азбуковники — рукописные справочники, словари, распространявшиеся в Древней Руси.

Альдины — книги, напечатанные венецианскими типографами и издателями Альдами (1494—1597 гг.).

Апофегматы — сжатые высказывания, изречения, старинные сборники назидательных рассказов из жизни выдающихся людей и их изречения.

Археография — собирание, описание и издание памятников письменности прошлого.

Библиография — научное описание книг; библиограф — специалист по библиографии.

Готика — особый стиль в архитектуре. В данном случае — стиль шрифта с угловатыми, заостренными буквами.

Деепис — писатель, летописец.

Друкарня — типография, друкарь — печатник, друковать — печатать.

«Кабинет Фауста» — зал, где хранятся первопечатные книги, в Ленинградской Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Кетский язык — язык кетов (остяков).

Киноварь — ярко-красная краска.

Кириллица — славянская азбука-алфавит, изобретенная славянскими просветителями братьями Кириллом и Мефодием в IX в.

«Куранты» — первые русские рукописные газеты

Латиница — латинская азбука, шрифт.

Лексис, лексикон — словарь.

Литера — металлический

брусок с рельефным изображением буквы, знака.

Маргиналии — пометы на полях книги, сделанные автором, специалистом, читателем.

Микрофильм — снятый на пленку текст книги.

Наборные кассы — ящики, разделенные на клетки, в которых хранится шрифт.

Орнамент книжный — заставки, концовки, инициалы.

Палеотипы — книги, напечатанные в начале XVI в.

Пасхалия — календарная таблица, в которой обозначены дни пасхи и дни т. н. подвижных праздников на ряд лет. Одновременно в таких своеобразных календарях сообщались и некоторые астрономические сведения — о времени затмений солнца и луны и т. п.

Предмова — предисловие

Просодия — учение о правилах стихосложения, о стихотворных размерах.

Рубрикатор — мастер, надписывавший в печатном тексте заглавные буквы и отмечавший красной краской начало фраз.

Силлабический стих — стих, основанный на количестве слогов, независимо от расположения ударений в словах.

Топонимика — совокупность географических названий той или иной местности, страны.

Фолиант — книга большого размера (в лист).

Форзац — листы бумаги, соединяющие книжный блок (сплетенные тетради текста) и крышку переплета.

Фронтиспис — гравированное изображение в начале книги, главным образом, против титула, рядом с ним.

Шмуцтитул — отдельный лист в книге, помещаемый перед частями и главами, содержащий название или порядковый номер части, главы. Иногда шмуцтитулом называют инициал, стоящий в начале главы.

Экслибрис — знак владельца книги.

Эльзевиры — издания голландской фирмы Эльзевиров (1592—1712 гг.).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Москва,
издательство
„Книга"
1979